

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА,
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ОСНОВА
РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

Материалы научного семинара
«Современные проблемы развития»
ИМЭМО РАН, 16 марта 2015 г.

Санкт-Петербург
2015 г.

Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / Материалы научного семинара «Современные проблемы развития», ИМЭМО РАН, 16 марта 2015 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР, 2015. – 111 с.

ISBN 978-5-00020-026-1

ISBN 978-5-00020-026-1

© С.Д. Бодрунов, 2015

**© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
2015**

16 марта 2015 года в Институте мировой экономики и международных отношений РАН состоялось заседание научного семинара «Современные проблемы развития», который возглавляет д.и.н., руководитель Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, проф. В.Г. Хорос.

На семинаре с основным докладом «Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики» выступил директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, д.э.н., проф. С.Д. Бодрунов. В сборнике представлены тезисы доклада и выступление С.Д. Бодрунова на семинаре.

Семинар носил открытый характер. К дискуссии были приглашены крупнейшие специалисты России по профилю доклада, за месяц до заседания тезисы доклада, дополнительные материалы и перечень рекомендуемой для ознакомления литературы по теме доклада были направлены в ведущие институты РАН, научно-образовательные учреждения и организации Министерства образования и науки России, а также в ряд независимых научных центров.

В дискуссии приняли участие ученые Института мировой экономики и международных отношений РАН – заведующий отделом внутривластных процессов, к.х.н., к.п.н., д.ф.н., проф. В.И. Пантин, старший научный сотрудник сектора теории политики, к.п.н., доцент И.В. Данилин, главный научный сотрудник сектора социально-экономических проблем, д.э.н., проф. А.И. Салицкий, заведующий сектором социально-экономических проблем, к.и.н., доцент А.А. Рогожин, главный научный сотрудник сектора социально-экономических проблем, д.э.н., проф. Е.А. Брагина, руководитель Центра проблем развития и модернизации, д.и.н., проф. В.Г. Хорос, старший научный сотрудник сектора политического и культурологического образования, к.п.н. Д.Б. Абрамов, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации, д.э.н., проф. А.Я. Эльянов, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности, д.э.н., проф. **В.Г. Варнавский**, а также приглашенные на семинар представители ряда других ведущих научных и образовательных центров России – заведующий кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.э.н., проф. В.А. Мельянец, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, д.п.н., проф., член-корр. РАН А.В. Виноградов, профессор кафедры менеджмента Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры Государственного и муниципального управления факультета МИДПО, к.э.н., доцент К.Н. Андрианов, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.э.н. А.В. Бузгалин, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, д.э.н. Р.С. Дзарасов, сотрудник той же кафедры В.Г. Колташов и др. Ряд известных российских ученых также направили свои отзывы (заведующий сектором общих проблем и методологических исследований Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, д.э.н. В.А. Красильщиков, директор Института экономики УрО РАН, академик РАН, д.э.н., проф. А.И. Татаркин, научный руководитель Института экономики РАН, член-корр. РАН, д.э.н., проф. Р.С. Гринберг, **главный научный сотрудник Центра исследований реального сектора экономики Института экономики РАН**, член-корр. РАН, д.э.н., проф. Д.Е. Сорокин, **проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного экономического университета**, д.э.н., проф. **А.Е. Карлик**, директор Института проблем региональной экономики РАН, д.э.н., проф. С.В. Кузнецов, руководитель НИУ Высшая школа экономики в СПб, д.э.н., проф. Е.М. Рогова, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., проф. В.Т. Рязанов, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАН, д.э.н., проф. Д.Б. Эпштейн и др.); ряд выступлений представлен в настоящем сборнике.

Материалы подготовлены по аудиозаписи семинара и представлены в авторской редакции.

Первый заместитель директора по общим вопросам Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, к.э.н. А.А. Золотарев

РАЗДЕЛ I. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО ДОКЛАДА

1.1. ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ (тезисы доклада)

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
д.э.н., профессор

Геополитические и геоэкономические вызовы, с которыми сталкиваются российская экономика и общество в последние годы, существенно обострили те противоречия, которые были заложены в предшествующие десятилетия экономической эволюции.

В стране долгое время проводилась экономическая политика, имевшая в принципе верные стратегические цели создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего модернизационную стратегию развития. Однако те средства, которые были выбраны для реализации этого курса – прежде всего, сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления – вызвали не просто стагнацию, но деиндустриализацию [1] страны со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для производства, науки, образования, прогресса человеческих качеств [2]. Это противоречие требует разрешения через изменения в экономической стратегии, обеспечивающие новые решения уже сложившихся и вновь возникающих внутренних и внешних проблем. Последние стали особенно актуальны в последний год, когда российская экономика столкнулась с зарубежными санкциями на фоне общего замедления роста и резкого снижения мировых цен на нефть. Именно поэтому в настоящее время необходимы существенные изменения в целях и средствах экономической политики. Этой проблеме, с акцентом на новом качестве индустриального развития, посвящен представленный доклад; ниже тезисно остановимся на некоторых важных аспектах данной проблемы.

1. Реиндустриализация: преимущественное развитие высоких технологий на основе интеграции производства, науки и образования

Развитие российской экономики в постреформенный период (начиная с начала 1990-х гг.) сопровождалось существенными структурными изменениями, прежде всего связанными с изменениями роли и места промышленности. В 1990 г. доля промышленности в ВВП СССР составляла 86%, в 1992 г. в промышленности России она превышала 90%, и по этому показателю Россия занимала первое место в мире [3]. Однако затем доля промышленности начала снижаться под воздействием рыночных преобразований финансовой сферы, торговли и услуг. В это же время проводимые реформы спровоцировали развитие стагнационных процессов в реальном секторе.

На фоне резкого сокращения финансирования науки и образования, зачастую непродуманной приватизационной политики это привело к разрыву интеграционных связей между образованием, наукой и промышленностью; следствием этого, помимо прямого негативного эффекта от сокращения выпуска конкурентоспособной промышленной

продукции, стало появление ряда проблем, длительное время оказывающих влияние на российскую производственную сферу, таких, как дефицит квалифицированных кадров. В конце 1990-х годов средний возраст работающих в научно-исследовательских институтах и заводских конструкторских бюро вплотную приблизился к пенсионному. Не лучше была ситуация и в вузовской и академической науке. Между тем, ориентация на рынок в сфере образования привела к падению престижности инженерных профессий, в результате чего сократился до минимума приток новых квалифицированных кадров в науку и производство. Сфера же высшего профессионального образования практически оказалась утраченной для российских производственных предприятий.

Начиная с начала 2000-х гг., благодаря высоким ценам на нефть на мировом рынке, российская экономика стала развиваться быстрыми темпами, однако в ней сохранились существенные структурные перекосы. Быстрые доходы от экспорта нефти стерилизовались бюджетом, инвестиции же в развитие обрабатывающих производств были весьма ограниченными. Экспорт России носит ярко выраженный сырьевой характер, а доля машин и оборудования в последние годы составляла менее 10%. В результате, на фоне роста валового внутреннего продукта и индекса промышленного производства, в обрабатывающей промышленности, в отраслях высокой и средней технологичности продолжался спад. Особенно серьезной выглядит негативная тенденция в инвестиционных отраслях обрабатывающей промышленности, таких, как станкостроение (рис. 1), где производство в натуральном выражении сократилось в некоторых видах в десятки раз.

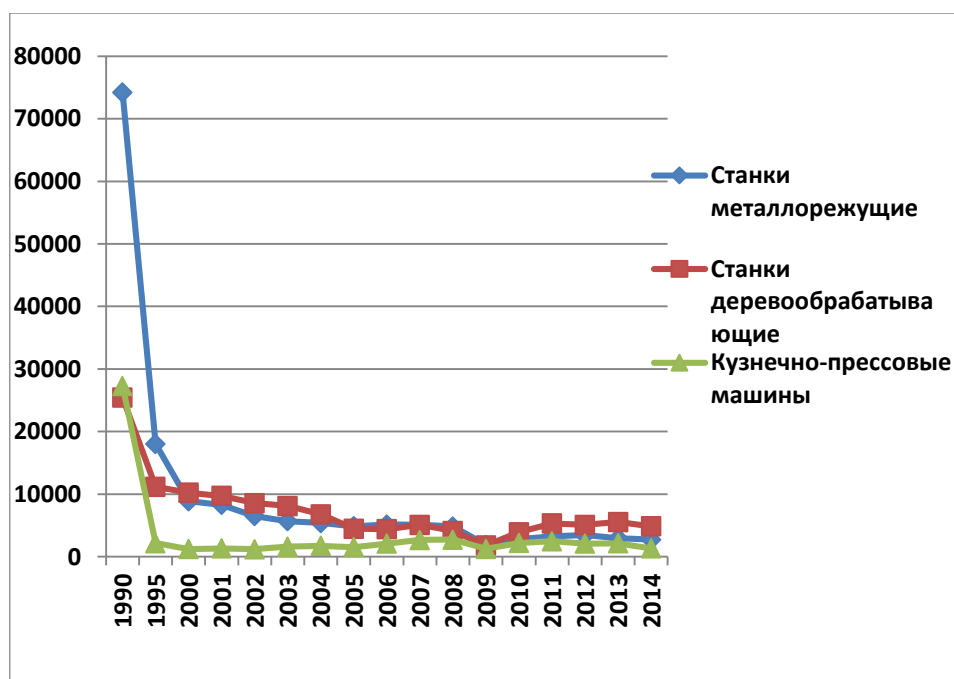

Рис. 1. Динамика производства некоторых видов станков в России, 1990-2014 гг. (тыс. шт.).

Источник: Росстат [4].

С 2008 г. правительство России взяло курс на модернизацию экономики, что выразилось в усилении внимания к инновационной деятельности, появлению в стране институтов развития, ориентированных на формирование инновационных производств. Однако эта политика проводилась без должной последовательности, в результате чего в российской экономике сохраняется многоукладность с преобладанием четвертого технологического уклада.

Таким образом, в стране достаточно остро стоит задача создания новой технологической базы промышленности развития. Эта задача не противоречит идеям, которые неоднократно высказывались российскими и зарубежными учеными относительно тенденций с учетом развития современного производства, обоснованности и необходимости движения к новому материальному базису производства на основе широкого использования технологий пятого и шестого технологического уклада [5], развития информатизации, миниатюризации, индивидуализации и сетевой организации производства [6], широкого использования творческого потенциала работников [7, 8, 9] и т.п. Но они противоречат идеям приоритетного развития сферы услуг, посредничества, финансовых транзакций, что долгое время рассматривалось многими авторами в качестве главного тренда развития мировой экономики.

Для формирования новой технологической базы важнейшую роль играет реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий [10], для чего необходимо не столько восстановление советской промышленности (хотя в ряде случаев и эти минимальные шаги необходимы), сколько качественное обновление технологической основы материального производства. Поскольку успешное развитие современного производства невозможно без глубокой его интеграции с образованием и наукой, то необходимым организационным условием и предпосылкой практической реализации политики реиндустриализации в российской экономике выступает интеграция науки, производства и образования в единую систему [11].

Отметим, в этой связи, важность критического использования позитивного опыта СССР в этой сфере. Советскому Союзу, особенно в послевоенный период, удавались масштабные высокотехнологичные проекты. При этом они не являлись «единичными», они вызвали активное своеобразное «кластерообразование» вокруг новых промышленных производств – вспомогательных производств, организаций научно-исследовательской и образовательной сферы и других структур, повышая уровень общей и технической культуры, территориального развития страны и т.д.

Так, итогом реализации крупных научно-технических проектов (атомного, космического, создания производства ЭВМ и многих иных) было ускорение социально-экономического развития, мировое лидерство нашей страны в целом ряде соответствующих областей, рост устойчивости всей социально-экономической системы, снижение рисков ее развития. Важно подчеркнуть, что все эти успешные проекты (а Россия до сих пор пользуется производственно-технологическим заделом, созданным в этих областях именно в советский период) были основаны на тесном взаимодействии между фундаментальной и прикладной наукой, образованием и реальным материальным производством.

При этом задачу преодоления недостатков ускоренного индустриального развития, связанных с развитием новых производств, внедрением новых технологий, освоением новой промышленной продукции и т.д., в СССР решали путём организационного объединения науки с производством на микроуровне. Для этого еще с 1920-х годов стали создаваться школы фабрично-заводского обучения, а в дальнейшем – профессионально-технические училища и техникумы. Эти учебные заведения профессионального образования работали на нужды конкретных промышленных предприятий и использовали для обучения их материально-техническую базу, что позволяло интегрировать процессы профессионального образования и промышленного производства.

Логичным шагом в этой интеграции стало в последующем включение в нее высшего образования. С 1959 года при наиболее крупных и передовых в техническом отношении промышленных предприятиях стали активно создаваться заводы-вузы. Их организовывали для подготовки высококвалифицированных специалистов из числа работников базового предприятия и предприятий, близких ему по профилю. Таким образом, получение высшего образования тесно интегрировалось с производственно-технологическим процессом. За время обучения студенты получали, как правило, 3-4 производственные квалификации: сначала их готовили к выполнению обязанностей мастера, техника, а затем (на старших курсах) – инженера, конструктора, исследователя для заводской лаборатории. Важно

подчеркнуть, что в течение всего периода обучения студенты завода-втуза были работниками предприятий, что позволяло обеспечить инклюзивное обучение, когда студенты воспринимали организационную культуру промышленного предприятия, начиная с момента поступления в завод-втуз.

Несколько позднее (с конца 60-х годов XX века) в нашей стране начинается активная интеграция науки и промышленного производства в форме создания научно-производственных объединений (НПО). Первое в стране НПО «Позитрон» было организовано в марте 1969 года в Ленинграде. Во главе объединения был поставлен научно-исследовательский институт (НИИ) с опытным заводом. Кроме него, в состав объединения вошли центральное конструкторское бюро технологии и оборудования (ЦКБТО) с опытным заводом, а также предприятия по выпуску серийной продукции.

Одновременно с этим необходимо учитывать и негативные черты советского опыта, во многом связанные с централизацией (зачастую носившей гипертрофированный характер) – во многих случаях наблюдалась низкая эффективность использования ресурсов, конфликт ведомственных интересов, отсутствие стимулов и мотивации у промышленных предприятий к повышению эффективности своей хозяйственной деятельности и др. С другой стороны, наблюдалась и жесткая сегментация горизонтального и вертикального характера, что не позволяло распространяться новым идеям и изобретениям (изобретение, внедренное в одной отрасли, не могло в большинстве случаев найти применение в других отраслях). Уровень технологической закрытости отраслей был чрезвычайно высок, а эффективность инновационной деятельности, наоборот, низка. Так, в 1981 г. 73% изобретений в машиностроении гражданского назначения внедрялись только в рамках этой отрасли, причем большинство – в пределах предприятия или НПО, где эти изобретения были созданы [12].

Отметим, что интеграция производства, науки и образования является одной из принципиальных позиций практики государственного регулирования экономики ряда ведущих индустриально развитых стран.

Так, в Японии научно-техническое сотрудничество промышленности, науки и государства рассматривается в качестве стратегического направления государственной инновационной политики. Начиная с середины 1990-х гг., в Японии был принят ряд законодательных актов, способствовавших установлению и укреплению связей между частным сектором, наукой и государством. В частности, в 1995 г. вступил в силу основной закон «О науке и технологиях», предусматривающий финансовую поддержку государством исследований в университетах. В 1998 г. вступил в силу закон «О развитии организаций лицензирования технологий (ОЛТ)» (Technology Licensing Organization (TLO) Promotion Law), который позволил компаниям пользоваться результатами научно-исследовательской деятельности университетов при посредничестве специально создаваемых организаций, призванных заниматься посреднической деятельностью между вузами и промышленными предприятиями. Закон «О поддержке развития производственных технологий» 2000 г. позволил преподавательскому составу государственных университетов создавать свои частные компании для того, чтобы обеспечить результатам своих научных исследований практическое применение в промышленном производстве. Более того, одной из основных задач, поставленных перед университетами, стала поддержка развития производственных технологий. Наконец, с целью стимулирования развития экономики страны через использование результатов научно-исследовательской деятельности в 2002 г. был принят основной закон «Об интеллектуальной собственности», определивший схему сотрудничества между промышленностью, наукой и государством. Кроме того, в соответствии с нынешним законодательством, в Японии активно реализуется ряд программ развития научно-технической кооперации между промышленностью, наукой и государством. К реализации таких программ Японию подтолкнули успехи США, где благодаря подобным программам удалось значительно повысить международную конкурентоспособность в таких отраслях, как биотехнологии и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Другим показательным примером весьма успешной, результативной и эффективной интеграции производства, науки и образования служит Германия. Одними из основных инициатив и проектов правительства ФРГ в данной сфере являются:

интеграция науки, образования и промышленности: господдержка инновационных кластеров с участием малых и средних предприятий и научных организаций (проекты Объединения промышленных союзов им. Отто фон Гюрике);

реализация целевых инновационных проектов в новых федеральных землях;

разработка новых инструментов финансирования перспективных инновационных кластеров;

организация федерального конкурса «лучший инновационный кластер Германии» с участием университетов и вузов;

совершенствование моделей государственно-частного партнерства в развитии инновационной деятельности;

совершенствование системы подготовки научных кадров и привлечения их к научно-исследовательской деятельности.

Добавим, что интеграция производства, науки и образования – это мощный тренд развития современной мировой индустрии: к разработке и реализации различного рода проектов по созданию и укреплению системы технологической кооперации бизнеса и науки в США и промышленно развитых европейских странах приступили еще в середине 1980-х – начале 1990-х гг. Основными формами таких интеграционных процессов в настоящее время выступают технологические платформы – объединения представителей государства, бизнеса, науки и образования вокруг общего видения научно-технического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий. В рамках технологических платформ особое внимание уделяется определению основных направлений стратегических исследований и мобилизации усилий на соответствующих научных исследованиях и инновациях [13].

Обобщая советский опыт и учитывая современные реалии, а также опыт зарубежных стран, можно сделать вывод, что при проведении курса на реиндустриализацию целесообразно учитывать следующие моменты.

Во-первых, в настоящее время, как и ранее, в России имеется необходимость развития крупных структур, организационно интегрирующих науку, образование и высокотехнологичное производство на сетевой основе [14].

Во-вторых, для развития таких структур необходимы масштабные долгосрочные государственные программы. При этом они, в отличие от советских директивных планов, должны быть индикативными, базироваться на системе гибких косвенных стимулов, объединять частные и государственные ресурсы (с использованием механизма государственно-частного партнерства) [15].

В-третьих, эти программы должны иметь мощное идеологическое и политическое обеспечение, создающее дополнительную мотивацию для их реализации за счет формирования в обществе и профессиональном сообществе установки на необходимость реиндустриализации.

Учитывая указанный опыт, необходимо отметить, что механизмы экономической политики должны быть новыми, во многом отличными от советских, учитывающими реалии современной институциональной среды России.

Итак, интеграция производства, науки, образования должна стать важнейшим слагаемым современной политики импортозамещения и стратегии реиндустриализации [16]. Для этого необходимы постоянно создаваемый научный технико-технологический потенциал, внедряемый в массовое производство человеческий капитал (как продукт высокоразвитой сферы высшего и среднего специального образования) и их интеграция в сферу промышленного производства.

Автор полагает, что для решения указанных проблем необходимо учитывать следующие рекомендации:

1. В современной России следует ориентироваться на возрождение в первую очередь ещё сохранившихся заделов высокотехнологичных укладов (в основном – в оборонном секторе), а программы комплексного создания новых технологий и принципиально новых изделий должно осуществлять в ограниченном объеме и только по отдельным направлениям [17].

2. Экономические механизмы реализации проектов должны опираться на рыночные стимулы, государственно-частное партнерство [18], долгосрочные государственные программы и активную государственную промышленную политику.

3. Организационно-правовое обеспечение этой политики должно опереться на специально созданные для этого институты долгосрочного развития. Для их успешной работы необходимо обеспечить снижение административных барьеров в финансово-кредитной, налоговой, таможенной системе, и, напротив, расширение государственной поддержки в таких сферах, как защита интеллектуальной собственности, патентование, сертификация технологических процессов и продукции и т.п.

4. Требуется опережающее развитие системы многоуровневого профессионального образования, интегрированного с производством и отраслевой наукой, что подразумевает расширение практики государственно-частного партнерства в этой сфере, а также воссоздание системы начального и среднего профессионального образования, ориентированного на нужды высокотехнологичного промышленного производства.

5. Успешная реиндустриализация и импортозамещение требуют опоры российской промышленности на развитую научную базу, которая способствует генерации инноваций и их проникновению в массовое производство. Поэтому необходима поддержка научных разработок, ориентированных, прежде всего, на решение конкретных проблем развития российской промышленности.

2. Реиндустриализация: импортозамещение и реструктурирование экспорта (международный опыт и российские проблемы)

Сегодня все больше экономистов – как теоретиков, так и практиков – согласны с тем, что стратегия приоритетного развития современного высокотехнологичного материального производства, интегрированного с НИОКР и образованием в единые кластеры, может и должна стать основой импортозамещения и реструктуризации экспорта. Однако практика продвижения в этом направлении сильно отстает от деклараций.

Приведем лишь некоторые факты. По словам заместителя министра промышленности и торговли РФ С. Цыба, «импортозамещение... возможно только в случае наличия соответствующих свободных производственных мощностей...» [19]. По данным С.Ю. Глазьева [5], в четвертом квартале 2014 г. отмечалось 30 - 40% недогрузки производственных мощностей и 15% избыточной занятости в промышленности. Вместе с тем, во многих стратегических отраслях российской промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне свыше 80% и создает потенциальную угрозу как для российской экономики, так и для национальной безопасности в целом [19].

Последовательная реализация стратегии импортозамещения могла бы позволить в значительной степени минимизировать негативный эффект от антироссийских экономических санкций, поэтому она должна на практике стать центральным элементом и направлением всей государственной экономической (и прежде всего, промышленной) политики России.

Не менее важными должны стать и шаги в области развития новых направлений производства экспортной продукции, а это не только машины и оборудование новых поколений, но и технологии, ноу-хау, образовательные услуги. Еще более перспективным направлением может стать разработка и реализация совместных с зарубежными (в том числе

– азиатскими и латиноамериканскими) странами долгосрочных программ выращивания интеграционных структур, объединяющих производство, науку и образование в единый комплекс (ПНО-кластеров).

Стоит отметить, что стратегия импортозамещающего роста экономики использовалась целым рядом различных стран [20], в первую очередь государствами Латинской Америки (Бразилия, Аргентина и Мексика), а также Азии (Южная Корея, Тайвань). При этом инструментами стимулирования импортозамещающего роста выступали:

- протекционистские меры по отношению к собственным производителям, в частности, дотируемое государством снижение цен на отечественную продукцию;
- ограничения на ввоз промышленной продукции из других стран;
- инвестирование удержанных в государстве средств от реализации импортозамещающей продукции в модернизацию промышленных предприятий.

Так, в Бразилии политика импортозамещения («PlanoBrasilMaior») была изначально нацелена не столько на ограничение импорта, сколько на стимулирование экспорта. Программа гарантировала национальным производителям-экспортерам частичный возврат налогов и возможность воспользоваться средствами специально созданного государственного фонда для финансирования экспортных операций. Кроме того, в стране были созданы конкурентоспособные на мировом рынке предприятия обрабатывающей промышленности, прежде всего авиационной (Embraer), а также машиностроения и кораблестроения. Нарастивали экспорт производители нефти и металлургические предприятия. В результате на современном этапе Бразилия демонстрирует высокие темпы экономического роста и входит в число самых динамично развивающихся экономик мира.

Опыт стран Азии, прежде всего Южной Кореи, в создании импортозамещающей политики также оказался позитивным. Однако страна использовала импортозамещение не как самостоятельный механизм роста, а как переходную политику для укрепления национальной экономики и создания мощного экспортного потенциала. Такая стратегия получила название «экспортоориентированного импортозамещения».

Таким образом, стратегия импортозамещающего роста в странах Латинской Америки и Азии способствовала индустриализации и быстрому развитию промышленности, снижению зависимости страны от импорта и диверсификации экономики, а также созданию новых рабочих мест. Кроме того, в большинстве стран эта стратегия привела к росту экспорта и увеличению в его структуре доли промышленности с высокой добавленной стоимостью.

В России же, несмотря на многочисленные декларативные заявления, де факто политика импортозамещения не является приоритетным направлением экономической политики правительства [5]. Хотя объемы экспорта и импорта с 1999 г. устойчиво растут, коэффициент покрытия импорта экспортом снизился с 2,3 раза в 2000 г. до 1,57 раз в 2012 г. При этом в структуре экспорта доля минеральных продуктов возросла с 42,5% в 1995 г. до 72 в 2014 г., а доля машин, оборудования и транспортных средств снизилась с 10,2% в 1995 г. до 4,5 в 2014 г. В структуре импорта основной статьей являются машины, оборудование и транспортные средства: их доля возросла с 33,6% в 1995 г. до 48,3 в 2014 г., в то время как доля продовольствия сократилась вдвое – с 28% в 1995 г. до 14% в 2014 г. [21].

Приведенные данные свидетельствуют о низкой эффективности программ импортозамещения, действовавших в России в последние годы. И хотя фактически с 2008 г. на повестке дня стоят модернизация экономики и ее реиндустриализация, а многие предприятия прошли через обновление основных фондов, расширение и новое строительство, в стране не появились многочисленные конкурентоспособные промышленные производства, а спрос на отечественную продукцию недостаточен для стимулирования ее производства.

Более того, данные, приводимые в таблице 1, показывают, что технологический обмен в России замедляется, при этом снижается количество используемых передовых производственных технологий в обрабатывающей промышленности. Количество разработанных производственных технологий растет, однако в большинстве случаев это

технологии, новые для России, но не позволяющие обеспечить конкурентоспособность на внешних рынках.

Таблица 1.

Создание, приобретение и использование передовых производственных технологий в обрабатывающей промышленности России (2010-2013 гг.)

Показатель	2010	2011	2012	2013
Число разработанных передовых производственных технологий	864	1138	1323	1429
Число разработанных новых для России производственных технологий	215	320	320	374
Число принципиально новых передовых производственных технологий	16	18	16	24
Число используемых передовых производственных технологий	135945	118021	119182	121103
Количество приобретенных новых технологий	11832	23236	12050	9989

Источник: Росстат [21].

Между тем, согласно данным, приведенным в таблице 2, потенциал российской экономики по формированию импортозамещающей промышленной политики достаточно высок. Следует учесть, что, в отличие от стран Латинской Америки, в СССР уже была создана развитая промышленность, которая хотя и существенно уступила свои позиции в ВВП страны в последние годы, все же сохраняет свое определенное влияние на экономику страны.

3. Механизмы реиндустриализации/«новой индустриализации» (в рамках модернизации России и создания предпосылок формирования нового индустриального общества)

Анализ и мировая практика экономического развития **показывают, что в настоящее время видимые тренды развития мировой экономики не подтверждают вступление мирового сообщества в т.н. постиндустриальную эпоху либо скорый переход его к развитию в рамках постиндустриальной парадигмы.** Не отрицая вовсе базовые идеи и постулаты постиндустриализма, мы полагаем, что время его еще не наступило (мир слишком разнороден – экономически, социально, цивилизационно и др.), и до формирования его базовых основ общество должно пройти длительный период развития в рамках иной – *новой индустриальной* (как мы ее называем) – парадигмы. Особенности, базовые черты и отличия «неоиндустриального» от классического индустриального общества мы неоднократно описывали в разных трудах сотрудников Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте и в данном докладе рассматривать не будем, поскольку этот вопрос выходит далеко за его пределы. Однако для нас существенно то обстоятельство, что, формулируя перспективную модель экономического развития России в данной целевой установке, нам необходимо реализовывать экономическую политику, основываемую на стратегии реиндустриализации («новой индустриализации»), понимаемой в том смысле, которую мы в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Витте вкладываем в это понятие

(современная/перспективная структура индустрии, особенности современного производственного процесса и современной производственной продукции, оборота промышленной продукции, производственной кооперации, технологий и технологических укладов, особенности удовлетворения материальных потребностей общества через индустриальное производство, науко-, капитало-, интеллекто-, и др.- емкость всех компонент индустриального сектора экономики, изменение его роли в экономике, особенности имплементации знаний в современном/перспективном индустриальном производстве, темпирование и акцентуация различных элементов производственных систем, изменение роли институциональных факторов в отношении индустриального производства в современную и предстоящую эпохи – лишь некоторые черты качественного отличия новой индустриальной эпохи развития общества).

При этом успешная реиндустриализация, реализующая, в частности, задачи экспортоориентированного импортозамещения (как мы неоднократно показывали, в т.ч. в представленных к докладу материалах, проблема импортозамещения как локального процесса в настоящее время по целям задачам и средствам реализации в базовых чертах совпадает с проблемой реиндустриализации), предполагает, что в области экономической политики основными приоритетами станут, как минимум:

- активная государственная промышленная политика, нацеленная на приоритетное развитие ключевых сфер материального (и, прежде всего, наукоемкого высокотехнологичного) производства и необходимого для этого развития науки и образования;

- благоприятная экономическая среда (доступность ресурсов, снижение административных барьеров и чиновничьего давления, «налоговые каникулы» для промышленных предприятий, их льготное долгосрочное кредитование, повышение уровня защищенности инвестиций и активов (прав и собственности инвесторов) и т.д.);

- адекватные стимулирующие денежно-кредитная политика ЦБ и бюджетно-налоговая политика Минфина, обеспечивающие финансирование развития предприятий промышленности и АПК (в необходимом объеме, сообразно имеющимся потребностям);

- стимулирование внутреннего спроса на продукцию промышленных предприятий, в том числе через дотирование цен и систему государственного заказа;

- длительный характер проводимых мероприятий, позволяющий привлечь долгосрочные инвестиции;

- сохранение высокой степени открытости экономики, за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность и безопасность граждан; развитие кооперации с зарубежными партнерами в областях технологического обмена, научного сотрудничества и создания передовых производственных технологий (следует помнить, что создание искусственных ограничений на импорт и экспорт технологий приводит к снижению эффективности деятельности и конкурентоспособности продукции);

- государственная поддержка экспорта конкурентоспособной промышленной продукции.

Суммируя сказанное выше, можно сделать принципиально важный вывод: для решения названных выше задач необходимы следующие механизмы: активная промышленная политика, государственно-частное партнерство, селективный протекционизм и международное ПНО-сотрудничество.

При этом необходимо не забывать о рисках, среди которых приоритетное значение имеют следующие.

1. Снижение конкурентоспособности российской промышленной продукции за счет создания «стерильных условий» для российских промышленных предприятий в виде господдержки и отсутствия на внутреннем рынке конкуренции с ведущими зарубежными производителями. В результате снижается качество менеджмента, а также создаются предпосылки для снижения качества и роста цены (вследствие монополизации рынков) выпускаемых товаров. В частности, последнее обстоятельство, в числе других, вынудило при разработке ответственного самолета Sukhoi Super-Jet 100 опираться не на отечественных, а

на иностранных поставщиков комплектующих: российские поставщики не смогли обеспечить конкурентоспособного соотношения цены и качества. В результате в условиях санкционного давления и падения курса российского рубля по отношению к мировым резервным валютам производство указанных самолетов сталкивается с трудностями. Очевидно, что основным способом разрешения этой проблемы является развитие отечественных инновационных разработок [23], проведение целенаправленных прикладных исследований и внедрение полученных результатов в промышленность, что требует более тесной интеграции науки и промышленного производства.

2. Непродуманный протекционизм может привести к снижению эффективности экономики страны в целом – в случае, если продукция и технологии национальных производителей уступают по конкурентоспособности (цене, качеству, ассортименту) зарубежным аналогам. Например, такая ситуация имеет место в сфере разработки и производства оборудования по добыче нефти и газа в нестандартных геологических и природно-климатических условиях. Эта неэффективность может распространяться и на социальную сферу – например, более низкое качество отечественной медицинской техники или лекарственных препаратов по сравнению с зарубежными аналогами может привести к заметному снижению качества жизни населения. Таким образом, политика импортозамещения в промышленности при отсутствии грамотного системного подхода к ее реализации (включая, в том числе, постоянный мониторинг динамики развития промышленности в разрезе отраслей и предприятий) может привести к снижению конкурентоспособности отечественной промышленной продукции и эффективности деятельности отечественных промышленных предприятий. В результате может снизиться конкурентоспособность национальной экономики в целом. Это – системный риск, который определяется неэффективностью институциональной среды.

3. Увеличение нагрузки на бюджет. Реализация политики импортозамещения в рамках стратегии реиндустриализации российской экономики требует значительных государственных инвестиций. Так, например, на реализацию федеральной целевой программы развития оборонно-промышленного комплекса на 2011-2020 годы государством предусмотрено выделение 3 трлн. рублей. В случае ухудшения экономической ситуации (что как раз и происходит в современной России) и невозможности выполнения всех запланированных бюджетных расходов правительство будет поставлено перед выбором: или сокращать расходы на социальную сферу и по другим направлениям, или приостанавливать финансирование мероприятий по импортозамещению. Вследствие этого возникнет еще один риск, связанный теперь уже с ростом коррупции. У представителей госкорпораций и чиновников возникнет возможность и соблазн лоббировать те или иные решения, связанные с перераспределением выделяемых ограниченных бюджетных средств.

4. Технологическое отставание российской промышленности на глобальном уровне. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, так как процесс импортозамещения может быть довольно длительным, существует риск частично заменить импорт из экономически развитых стран более доступным импортом из стран Азии, Латинской Америки и партнеров по ЕАЭС. Это не только затормозит развитие промышленности страны, но и поддержит фактически сложившийся тренд снижения ее технологического уровня. Во-вторых, стратегия импортозамещения в краткосрочной перспективе ориентирована на замену зарубежной продукции отечественными аналогами. То есть, по сути, речь идет о копировании зарубежных продуктов и технологий, которые уже существуют на рынке. А это означает перманентное технологическое отставание. Преодоление указанного риска возможно за счет опережающего (по отношению к производству) развития отечественной исследовательской и конструкторско-технологической базы и школы, что требует активизации усилий по поддержке науки и образования и их интеграции с производством [24].

В заключение стоит отметить, что рассмотренный выше и отечественный опыт, и накопленный опыт ведущих промышленно-развитых стран возможно и целесообразно использовать в России на современном этапе развития в рамках реализации политики

импортозамещения, стратегии реиндустриализации и модернизации национальной экономики.

1.2. Литература
по теме доклада д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова
«Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации
российской экономики»

1. Cairncross A. What is deindustrialization? In: Blackaby F., ed. Deindustrialization. London, Pergamon, 1982, pp. 5-17.
2. Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2013. 34 с.
3. Титов К.А. Формирование и реализация региональной промышленной политики. Автореф. дисс. д-ра экон. наук. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 38 с.
4. Промышленное производство в России. Официальный сайт Росстата. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/natura38g.htm and http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/god10.htm (accessed 14.03.2015).
5. Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии. Научный доклад. Available at: <http://www.glazev.ru/upload/iblock/90b/90bb47dd15ca4e2e613431b62e880510.pdf>. (accessed 23.03.2015).
6. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2004. (Russ. ed. Kastels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestva i kultura; per. s angl. pod. nauch. red. O.I. Shkaratana. M.: GU VShE, 2000. 608 p.).
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реиндустриализация как ностальгия? Polemicheskie zametki o tsel'evykh akcentakh альтернативной социально-экономической стратегии. Социс, 2014, № 3, сс. 5-16.
8. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века. Вопросы философии, 1993, № 7, с. 54-55.
9. Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo – N.Y., 1991.
10. Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски. Экономическое возрождение России. 2013, № 1 (35), с. 19-49.
11. Бодрунов С.Д. Интеграция производства, науки и образования и новая индустриализация России. Ведомости, 2014, № 215, с. 17.
12. Radosecic S. Transformation of science and technology systems into systems of innovation in central and eastern Europe: the emerging patterns and determinants. Structural Change and Economics Dynamics, 1999, no. 10, p. 277-320.
13. Механик А., Оганесян Т. Кто поедет на платформе. Эксперт. 2011, № 51, с. 51-56.
14. Ватутина О.О., Вертакова Ю.В. Создание отраслевой интегрированной структуры для повышения инвестиционной привлекательности отрасли. Микроэкономика, 2010, № 1, с. 174-180.
15. Gruchy A.G. Uncertainty, Indicative Planning and Industrial Policy. Journal of Economic Issues, 1984, vol. 18., no 1, p. 159-180.
16. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация экономики: начнем с импортозамещения? Экономическое возрождение России, 2014, № 3, с. 5-7.
17. Бодрунов С.Д., Рогова Е.М. О базовых принципах формирования импортозамещающей промышленной политики в России. Актуальные проблемы экономики, 2014, № 4, с. 7-12.
18. Vertakova Yu., Plotnikov V. Russian and Foreign Experience of Interaction Between Government and Business. World Applied Sciences Journal, 2013, no. 3 (28), p. 411-415. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.28.03.1914.

19. Лекарство от зависимости. Российская газета, 05.08.2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/08/05/zameshenie.html> (accessed 19.03.2015).
20. «Третий мир»: спустя столетия (отв. ред. Г. Хорос, Д.Б. Малышева). М.: ИМЭМОРАН, 2013. 262 с.
21. Технологическое развитие России. [Официальный сайт Росстата]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/.ru/statistics/economydevelopment/# (accessed 19.03.2015).
22. World DataBank: World Development Indicators. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (accessed 19.03.2015).
23. Цацулин А.Н. Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2013, № 2 (80), с. 12-21.
24. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. Российская Государственная библиотека, 2010, 148 с.

1.3. РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.

Доклад на Научном семинаре ИМЭМО РАН
«Современные проблемы развития»

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
д.э.н., профессор

Уважаемые коллеги!

Я представляю наш Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, который много лет занимается обоснованием необходимости развития России по индустриальному пути (**слайд 1**). Мне и моим коллегам по институту неоднократно приходилось выступать по этому поводу в разных аудиториях – на научных конференциях, семинарах, ученых, научных и экспертных советах различных уважаемых организаций – от Института экономики и МГУ до Госдумы и Совета Федерации, и нигде никого эта тема не оставила равнодушным. Надеюсь, и сегодня, на этом семинаре, мы проведем заинтересованное обсуждение некоторых тезисов, на которых я хотел бы сейчас остановиться.

Я намеренно сказал – тезисов, поскольку доклад мы, в соответствии с регламентом, передали организаторам семинара примерно за 10 дней; в докладе также приводится библиография, в т.ч. – и работы мои и моих коллег и соавторов по Институту индустриального развития, Институту экономики, МГУ, СПбГУ и СПбГЭУ и т.д.; желающие имели возможность ознакомиться с более полной версией наших взглядов на представляемую проблему.

С учетом этого, свое сегодняшнее выступление я попытаюсь структурировать следующим образом: вначале охарактеризую наш подход к решению проблемы формирования новой модели экономического роста России на базе реиндустриализации российской экономики, затем представлю два важных аспекта проблемы, и в завершение доклада остановлюсь на некоторых предложениях по реализации предлагаемых подходов и анализе связанных с этим рисков (**слайд 2**).

Начну с вводной констатации бесспорного, пожалуй, факта, что геополитические и геоэкономические *вызовы*, с которыми сталкивается российская экономика и общество в последние годы, существенно *обострили* те *противоречия*, которые были заложены в *предшествующие десятилетия* экономической эволюции. Сегодня перед экономическим сообществом и политическими властями стоит, и я бы сказал, возрастающе актуализируется задача поиска *новой модели экономического роста* и, можно даже сказать шире – *новой экономической доктрины* (**слайд 3**).

В стране долгое время проводилась экономическая политика, имевшая в принципе верные *стратегические цели* – создания современного социального рыночного хозяйства, обеспечивающего *модернизационную* стратегию развития. Однако те *средства*, которые были выбраны для ее достижения – прежде всего, сочетание идеологии «рыночного фундаментализма» с практикой теневого рынка и «ручного» государственного управления – вызвали стагнацию нашей экономики, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Двадцатилетняя реализация *либерально-монетарной модели* привела к развалу производства, снижению устойчивости экономики, драматическому повышению уровня нашей зависимости от иностранных капиталов, технологий, продукции, потребительских товаров. Я не буду приводить подробные цифры, они известны. Скажу лишь, что, в

частности, производство продукции в основных базовых отраслях отечественной промышленности сократилось в разы, при этом доля импорта в станкостроении, легкой промышленности сегодня превышает 90%, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании – 80%, и т.д.

Не буду останавливаться и на анализе состояния российской экономики, в котором она находится сегодня; я думаю, мало кто возразит, если я скажу, что она интенсивно стагнирует. При этом признаки нынешней стагнации ощущались, при детальном анализе экономических процессов, достаточно давно. Еще в середине 2000-х годов, например, Ваш покорный слуга на базе такого анализа настаивал на необходимости отказа от действующей экономической модели и на переходе к модернизации экономики через восстановление в качестве приоритета индустриального пути развития (**слайд 4**), в т.ч. – и в уважаемом издании Института мировой экономики и международных отношений.

Безусловно, этой же позиции придерживалось значительное количество специалистов – как теоретиков, так и практиков. И сегодня мы с удовлетворением можем утверждать, что на смену парадигме постиндустриализма вкупе с либерально-монетарным подходом имеет все шансы прийти новая модель, приоритетом которой является индустриальное развитие.

Я готов утверждать, что нынешняя рецессия – в принципиальном плане – является следствием состоявшейся *глубокой деиндустриализации* нашей экономики.

Примерно 30 лет назад британский ученый Александр Каирнкросс, исследовавший феномен деиндустриализации, в качестве основных ее признаков указывал: общее снижение объемов промышленного производства, снижение доли индустриальной продукции в ВВП, и даже снижение национального экспорта промышленной продукции. Я по-другому подхожу к описанию сути явления деиндустриализации, что позволяет на самом деле понять, что деиндустриализация может происходить и при неснижении упомянутых Каирнкроссом показателей.

Деиндустриализация – это явление, обратное индустриализации. А индустриализация экономики – это проникновение, «пронизывание» народного хозяйства «нитями» индустриального способа удовлетворения материальных потребностей общества, социума. Удовлетворение этих потребностей требует осуществления некоего процесса (*производственного процесса*), в ходе которого с использованием тех или иных идей и материальных объектов (*технологий, в т.ч. – технологического оборудования*), а также человеческого *труда* возникают те самые блага, которые и призваны удовлетворять людские материальные потребности – *продукт*. Так вот, по нашему представлению, деиндустриализация снижает индустриальную насыщенность народного хозяйства через деградацию всех указанных выше основных компонент материального производства (**слайд 5**).

При деиндустриализации наблюдаются сокращение технологического уровня и глубины переработки исходного сырья, оснащенности производственных систем, станочного парка, оборудования и приспособлений, снижение квалификации персонала, утрата им навыков и умений, понижение квалификационного уровня, утрата профессий и компетенций, и т.д.

Т.о., шире говоря, речь может идти об эффекте, который мы называем «Эффект 4Д», в нем присутствуют:

- дезОрганизация *процесса производства* (снижение уровня организации производства и управления производством);
- деГрадация применяемых *технологий* (падение технологического уровня производства);
- деКвалификация *труда* в производстве;
- деКомплицирование (упрощение) *продукта* производства.

Неотделимыми следствиями при этом становятся деСтабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний, дезИнтеграция промышленных структур и связей и многие другие «де».

Экономическим результатом этого явления становятся общий упадок и утрата целых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии, нередко – без способности их восстановления.

И уже как следствие мы можем наблюдать те явления, о которых говорил Каирнкросс – снижение объемов индустриального производства, уменьшение доли национальной продукции в ВВП, падение промышленного экспорта. Заметим – можем наблюдать. А иногда – и нет! Например, в первые постсоветские годы, после либерализации внешнеэкономических связей, Россия резко увеличила экспорт изделий из алюминиевых сплавов (в частности, посуды) – они, будучи по западным меркам чрезвычайно дешевыми, шли за рубежом просто в переплавку. И многие наши предприятия, имевшие в составе своего технологического комплекса алюминиевое литье, перестали делать сложные алюминисодержащие изделия и включились в этот «бизнес», сокращая при этом высококвалифицированный персонал, инженерно-конструкторские кадры, теряя компетенции, «упрощаясь» в продукте, технологиях, трудовых квалификациях – и, как показала практика, деградируя как индустриальная единица – притом, при некотором даже росте экспорта. Лишь впоследствии, с увеличением масштабов деградации, экспорт неизбежно станет падать.

Более того, поскольку «свято место, как говорится, пусто не бывает», на место национальной продукции в результате деиндустриализации экономики приходит импорт, занимая национальный рынок и, становясь преобладающим способом удовлетворения потребностей населения – вследствие дефицита соответствующих товаров национального происхождения, – становится средством «перекачки» его доходов зарубежным производителям индустриальных товаров и услуг, снижая, в отсутствие баланса с экспортом, устойчивость национальной экономики, что, в свою очередь, влечет ее к развалу, снижению социальной стабильности и т.д.

Опыт России последних двух десятилетий, к сожалению, подтверждает эту ситуацию, что до поры до времен маскировалось экспортно-сырьевыми доходами, и что, наконец, ярко высветили возникшие политические вызовы нынешнего времени.

России нужны серьезные *изменения в экономической стратегии, целях и средствах экономической политики*, обеспечивающие решение возникших внутренних (я бы оценил их в значительной мере как рукотворные) и внешних (я бы оценил их в значительной мере как следствие внутренних) проблем.

Именно этому вопросу, с акцентом на новом качестве реиндустриализации, собственно, и посвящены мои размышления, которые я представляю и вы согласились выслушать.

Перейду к первой части и попытаюсь развить следующий тезис: **«Реиндустриализация: преимущественное развитие высоких технологий на основе интеграции производства, науки и образования».**

Итак, *главный тренд нового курса – реиндустриализация на базе преимущественного развития высоких технологий*. Подчеркну: не столько восстановление советской промышленности, сколько – *качественное обновление технологической основы материального производства (слайд 6)*.

Отсюда вытекает, что *реиндустриализация* должна стать *механизмом* решения этой задачи, *базовой парадигмой* развивающейся, а не стагнирующей российской экономики, а *главной целью реиндустриализации*, или «*новой индустриализации*», как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать *восстановление роли и места промышленности в экономике* страны в качестве ее *базовой компоненты*, причем – *на основе нового, передового технологического уклада* – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач *в рамках модернизации России (слайд 7)*.

Эта установка в принципе отвечает тем задачам, которые ставит перед страной высшее руководство, но которые не в полной мере реализует правительство.

Попутно, предвзято настороженность многих коллег (возможно, и здесь присутствующих), подчеркну, – задачи создания качественно новой технологической базы индустрии не противоречат ряду тезисов известных ученых, писавших и пишущих о необходимости движения к новому материальному базису производства – на основе широкого использования технологий 5 и 6 укладов (С.Ю. Глазьев), информатизации, миниатюризации, индивидуализации и сетевой организации производства (М. Кастельс), широкого использования творческого потенциала работников (А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, В.А. Красильщиков, Т. Сакайя), и т.д. Но они, эти задачи, конечно, противоречат идеям *приоритетного* развития сферы услуг, финансовых трансакций, посредничества и т.п., что долгое время рассматривалось многими про-либеральными авторами в качестве главного тренда развития мировой экономики.

По нашему мнению, уход от этой идеологической парадигмы, *приоритетное* развитие современного *материального* производства, основанная на высоких технологиях реиндустриализация – это единственно возможная стратегия, позволяющая преодолеть стагнацию нашей экономики.

Однако, как я уже сказал выше, эта задача, при всем многообразии путей и механизмов ее решения, не может быть решена без выявления и разрешения неких ключевых, фундаментальных вопросов. Если вернуться к рассмотрению основных элементов современного материального производства, то в каждом из них есть нечто общее, без чего современное производство существовать не может. Этот элемент, ключевое звено – *знания*. Знания необходимы и для организации *процесса* производства, и для его *предметирования* (т.е. определения содержания индустриального продукта или услуги как результирующего предмета труда), и для создания и рационализации *средств* достижения результатов труда (технологий); да и сам труд на самом деле основывается на знаниях, навыках, умениях трудящегося, его *квалификации*, умении сообразно предмету труда обращаться с материалами и средствами, оборудованием и т.д. Т.о., знания, пронизывая целиком индустриальное производство как тип человеческой деятельности, и являются тем ключевым звеном, на которое следует обратить внимание. При этом важно учитывать, что современные знания появляются в процессе исследовательской деятельности, *познания* (научные знания) и становятся присущими индустриальному работнику в процессе его *научения* (образования). Более того, *в современном обществе наиболее эффективным способом превращения научных знаний в квалификацию труда является трудовая деятельность*, что в полной мере относится к производственной деятельности людей (слайд 8).

С этой точки зрения, успешное развитие современного производства невозможно без *глубокой* его *интеграции* с образованием и наукой. В практическом приложении мы исходим из того, что интеграция науки, производства и образования в единую систему выступает необходимым *организационным условием* и *предпосылкой* *практической реализации* реиндустриализации и импортозамещения в российской экономике.

Сама идея, что успешное развитие производства невозможно без глубокой интеграции его со сферами образования и науки, далеко не нова (слайд 9).

Отметим, в этой связи, важность критического использования позитивного опыта СССР в данной сфере. Советскому Союзу, особенно в послевоенный период, удавались масштабные высокотехнологичные проекты. При этом они не являлись «единичными»; они вызвали активное своеобразное «кластерообразование» вокруг новых промышленных производств – вспомогательных производств, организаций научно-исследовательской и образовательной сферы и других структур, повышая уровень и общей, и технической культуры, и территориального развития страны, и т.д.

Вспомним, кстати, и известный тезис из политэкономии социализма о постепенном «превращении науки в непосредственную производительную силу». Как подтверждает практика, это явление «не привязано» к социалистическому способу производства, а характерно для любого развивающегося индустриального общества. Более того, сегодня упомынутая «постепенность» превратилась в «стремительность», и далее – в

«непрерывность», придавая инновационный характер любой современной производственной деятельности. А такой элемент межсубъектных отношений между научными и производственными структурами в рамках индустриальной деятельности, как трансфер технологий, просто уже становится обязательным элементом производственного процесса.

Т.о., обобщая советский опыт и учитывая вот эти современные реалии, а также опыт зарубежных стран (я дал его достаточно подробный анализ в докладе), можно сделать вывод, что при проведении курса на реиндустриализацию целесообразно учитывать следующие моменты (слайд 10).

Во-первых, в настоящее время, как и ранее, в России имеется необходимость развития крупных интегрированных структур, организационно интегрирующих науку, образование и высокотехнологичное производство, в т.ч., в современных условиях, – на сетевой основе.

Во-вторых, для развития таких структур необходимы масштабные долгосрочные государственные программы. При этом они, в отличие от советских директивных планов, должны быть *индикативными*, базироваться на системе гибких косвенных *стимулов*, объединять *частные* и *государственные ресурсы* (в т.ч. – с использованием механизма государственно-частного партнерства).

В-третьих, эти программы должны иметь мощное идеологическое и политическое обеспечение, создающее дополнительную мотивацию для их реализации за счет формирования в обществе и профессиональном сообществе установки на необходимость реиндустриализации.

Одновременно с этим необходимо учитывать и известные нам негативные черты советского опыта, во многом связанные с упомянутой централизацией (зачастую носившей гипертрофированный характер).

И, конечно, используя указанный опыт, надо учитывать, что механизмы экономической политики должны быть новыми, во многом отличными от советских, в реалиях и координатах современной институциональной среды России (слайд 11).

Итак, интеграция производства, науки, образования должна стать важнейшим слагаемым стратегии реиндустриализации. Для этого необходимы постоянно воссоздаваемый и воспроизводящийся *научный технико-технологический потенциал*, внедряемый в массовое производство *человеческий капитал* (как продукт высокоразвитой сферы образования) и их интеграция в сферу промышленного производства.

Каковы же пути решения обозначенных проблем (слайд 12)?

Возможно, и скорее всего, я не буду здесь слишком оригинален – но все-таки кое-что назову и прокомментирую.

Во-первых, в современной России следует ориентироваться и на возрождение, в первую очередь, ещё сохранившихся заделов высокотехнологичных укладов, и на новые, передовые технологические тренды, – при этом, конечно, программы комплексного создания новых технологий и принципиально новых изделий должно осуществлять в *ограниченном объеме* и только по *отдельным направлениям*.

Во-вторых, экономические механизмы реализации проектов должны опираться на рыночные стимулы, и активную государственную промышленную политику.

В-третьих, организационно-правовое обеспечение этой политики должно опереться на специально созданные для этого институты долгосрочного развития, обеспечивающие *снижение* административных барьеров в финансово-кредитной, налоговой, таможенной системе, и, напротив, *расширение* государственной поддержки в таких сферах, как защита интеллектуальной собственности, патентование, сертификация технологических процессов и продукции, и т.п.

В-четвертых, требуется опережающее воссоздание и развитие системы многоуровневого профессионального образования, интегрированного с производством и отраслевой наукой, ориентированного на нужды *высокотехнологичного* промышленного производства.

В-пятых, успешная реиндустриализация российской промышленности требуют опоры на развитую научную базу, которая способствует генерации *инноваций* и их *проникновению* в

массовое производство. Поэтому необходима поддержка научных разработок, ориентированных, прежде всего, на решение конкретных проблем развития российской промышленности.

Теперь перейду ко второму тезису своего выступления, который я обозначил бы так: **«Реиндустриализация: импортозамещение и реструктурирование экспорта (международный опыт и российские проблемы)»**.

Выше мы уже говорили о засилии импорта в России и о том, почему оно имеет место быть. В связи с этим, очевидно, что повсеместно сегодня декларируемая задача импортозамещения по своей институциональной сути, *целям* и, в значительной мере, *механизмам решения* совпадает с более широкой задачей реиндустриализации отечественной экономики в описанном выше смысле.

Опираясь на первый тезис, и многие мои коллеги согласны с этим, полагаю, что стратегия *приоритетного* развития современного высокотехнологичного материального производства, интегрированного с НИОКР и образованием в единые кластеры (применяется термин – «ПНО-кластеры»), *может* и *должна* стать основой *импортозамещения* и *реструктуризации экспорта*.

Однако практика продвижения в этом направлении сильно отстает от деклараций. Вот, например, позиция зам. министра промышленности и торговли РФ С. Цыба (**слайд 13**): «Импортозамещение... возможно только в случае наличия соответствующих свободных производственных мощностей...». Конечно, нужны новые мощности, оборудование. Но нельзя стоять. Заметим, что нынешняя рецессия российской экономики еще в 4-м квартале 2014 г., по данным С.Ю. Глазьева, происходила на фоне 30-40% недогрузки производственных мощностей и 15% избыточной занятости в промышленности, т.е. нам есть от чего отталкиваться. Вместе с тем, как я уже говорил, потребности многих стратегических отраслей российской промышленности не удовлетворены, и доля потребления импорта оценивается на уровне свыше 80-90%, что создает потенциальную угрозу как для российской экономики, так и для нашей национальной безопасности в целом.

Последовательная и неуклонная реализация стратегии импортозамещения могла бы позволить в значительной степени и минимизировать негативный эффект от антироссийских экономических санкций, и заложить базу реиндустриализации (в том смысле восстановления индустриального тренда развития, о котором я говорил выше). Поэтому она должна на практике стать центральным элементом и направлением всей государственной экономической (и прежде всего, промышленной) политики России.

Стоит отметить, что стратегия импортозамещающего роста экономики использовалась целым рядом стран – Бразилией, Аргентиной, Мексикой, Южной Кореей, Тайванем. При этом инструментами стимулирования импортозамещающего роста выступали (**слайд 14**), как правило, три блока мер:

- протекционистские меры по отношению к собственным производителям – в частности, дотируемое государством снижение цен на отечественную продукцию;
- ограничения на ввоз промышленной продукции из других стран;
- инвестирование удержанных в государстве средств от реализации импортозамещающей продукции в модернизацию промышленных предприятий.

Так, в Бразилии политика импортозамещения была изначально нацелена не столько на ограничение импорта, сколько на стимулирование экспорта. Программа гарантировала национальным производителям-экспортерам частичный возврат налогов и возможность воспользоваться средствами специально созданного государственного фонда для финансирования экспортных операций. Кроме того, в стране были созданы конкурентоспособные на мировом рынке предприятия обрабатывающей промышленности, прежде всего, – авиационной (проект Embraer), а также машиностроения и кораблестроения. В результате этой политики сегодня Бразилия в принципе (абстрагируясь от флюктуации вследствие нынешней высокой волатильности мировых рынков) демонстрирует приличные темпы экономического роста и входит в число самых динамично развивающихся экономик мира.

Опыт стран Азии, прежде всего Южной Кореи, в создании импортозамещающей политики также оказался позитивным. Однако эта страна использовала импортозамещение не как самостоятельный механизм роста, а как переходную политику для укрепления национальной экономики и создания мощного экспортного потенциала. Такая стратегия получила название «экспортоориентированного импортозамещения».

Таким образом, стратегия импортозамещающего роста в странах Латинской Америки и Азии *способствовала индустриализации* и быстрому развитию промышленности, *снижению зависимости* страны от импорта и диверсификации экономики.

В большинстве стран эта стратегия привела к росту экспорта и увеличению в его структуре доли промышленной продукции с высокой добавленной стоимостью.

В России же, несмотря на многочисленные заявления и даже на соответствующее поручение Президента, де факто политика импортозамещения не является приоритетным направлением реальной экономической политики (слайд 15).

Хотя объемы экспорта и импорта с 1999 г., как видим, устойчиво растут, коэффициент покрытия импорта экспортом снизился с 2,3 раза в 2000 г. до 1,57 раза в 2012 г. При этом в структуре экспорта доля минеральных продуктов возросла с 42,5% в 1995 г. до 72% в 2014 г., а доля машин, оборудования и транспортных средств снизилась с 10,2% в 1995 г. до 4,5% в 2014 г.

И в структуре импорта практически основной статьёй стали машины, оборудование и транспортные средства: их доля возросла с 33,6% в 1995 г. до 48,3% в 2014 г., и это – при общем росте объемов импорта!

Приведенные данные свидетельствуют о низкой эффективности программ импортозамещения, действовавших в России в последние годы. И хотя фактически с 2008 г. на повестке дня стоят модернизация экономики и ее реиндустриализация, в стране не появились массово конкурентоспособные промышленные производства.

Более того, данные (слайд 16), показывают, что и технологический обмен в России замедляется, и при этом снижается количество используемых передовых производственных технологий в обрабатывающей промышленности. Количество разработанных производственных технологий растет, однако мы знаем, что в большинстве случаев – это технологии, новые для России, но не позволяющие обеспечить конкурентоспособность на внешних рынках.

Между тем, потенциал российской экономики по формированию и проведению импортозамещающей промышленной политики все еще достаточно высок. В отличие от стран Латинской Америки, в СССР уже была создана развитая и диверсифицированная промышленность, которая, хотя и существенно уступила свои позиции в ВВП страны в последние годы, все же сохраняет свое определенное влияние на экономику и может стать крепкой базой и для импортозамещения, и для более широкой задачи реиндустриализации.

Итак, перейду к **заключительному** тезису.

Какими же средствами, учитывая изложенное, по нашему пониманию, можно было бы решать задачу реиндустриализации?

Раньше часто, когда мы рассматривали эту проблему, возникал вопрос: с чего начать? Сейчас, в силу сложившихся обстоятельств, такого вопроса, вообще говоря, нет. Начав с импортозамещения – поэтапного, «послойного», углубляющегося от простого к сложному – мы можем развернуть настоящую реиндустриализацию страны. Отметим также, что и приоритеты импортозамещения, набор стратегических задач и направлений, и этапность их реализации в целом уже ясны и даже в какой-то мере зафиксированы в документах правительства и минпрома. При этом становятся ясными также и *глобальные цели и задачи реиндустриализации, и ее приоритеты, и механизмы реализации.*

Анализ и мировая практика показывают, что успешная *реиндустриализация, реализующая, в частности, задачи экспортоориентированного импортозамещения,* предполагает, что в области экономической политики основным будет набор следующих приоритетов (слайд 17):

– главный – активная государственная промышленная политика, нацеленная на *приоритетное* развитие ключевых сфер *материального* (и прежде всего наукоемкого высокотехнологичного) *производства* и необходимого для этого развития *науки и образования*;

– благоприятная экономическая среда (доступность ресурсов, снижение административных барьеров и чиновничьего давления, «налоговые каникулы» для промышленных предприятий, их льготное долгосрочное кредитование, повышение уровня защищенности инвестиций и активов (прав и собственности инвесторов) и т.д.);

– адекватные, стимулирующие денежно-кредитная политика ЦБ и бюджетно-налоговая политика Минфина, обеспечивающие *финансирование развития* предприятий промышленности – в необходимом объеме и сообразно имеющимся потребностям;

– стимулирование внутреннего спроса на продукцию промышленных предприятий, в том числе – через соответствующее «дотирование» цен и систему государственного заказа;

– длительный характер проводимых мероприятий, позволяющий привлечь *долгосрочные* инвестиции;

– сохранение высокой степени открытости экономики, – конечно, за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность и безопасность граждан; здесь важно развитие кооперации с зарубежными партнерами в областях *технологического обмена, научного сотрудничества* и создания передовых производственных технологий;

– прямая государственная поддержка экспорта конкурентоспособной промышленной продукции.

Суммируя сказанное (**слайд 18**), сделаем *принципиально важный вывод*: для решения названных задач необходимы активная промышленная политика на базе государственно-частного партнерства, включающая селективный протекционизм и подразумевающая интеграцию производства, науки и образования.

Конечно, реализуя эту политику, важно не забывать и о *рисках*, среди которых приоритетное значение имеют следующие:

во-первых, снижение конкурентоспособности российской промышленной продукции за счет создания излишне «стерильных условий» для развития российских промышленных предприятий в виде господдержки и отсутствия на внутреннем рынке высокой конкуренции с ведущими зарубежными производителями (**слайд 19**).

В результате снижается качество менеджмента, а также создаются предпосылки для снижения качества и роста цены (вследствие монополизации рынков) выпускаемых товаров. В частности, последнее обстоятельство, в числе других, вынудило при разработке ответственного самолета Sukhoi SuperJet-100 опираться не на отечественных, а на иностранных поставщиков комплектующих: российские поставщики не смогли обеспечить конкурентоспособного соотношения цены и качества. В результате в условиях санкционного давления и падения курса российского рубля по отношению к мировым резервным валютам производство указанных самолетов сталкивается с трудностями. Очевидно, что основным способом разрешения этой проблемы является развитие отечественных инновационных разработок, проведение целенаправленных прикладных исследований и внедрение полученных результатов в промышленность, что требует более тесной интеграции науки и промышленного производства;

во-вторых, снижение эффективности экономики страны в целом – в случае, если продукция и технологии национальных производителей уступают по конкурентоспособности (цене, качеству, ассортименту) зарубежным аналогам. Политика импортозамещения в промышленности при отсутствии грамотного системного подхода к ее реализации может привести к снижению конкуренции, конкурентоспособности отечественной промышленной продукции и эффективности деятельности отечественных промышленных предприятий. В результате может снизиться конкурентоспособность национальной экономики в целом. Это – системный риск, который определяется неэффективностью институциональной среды;

в-третьих, бюджетный, так сказать, риск. Меры по реализации политики импортозамещения в рамках стратегии реиндустриализации требуют значительных инвестиций со стороны государства. В случае ухудшения экономической ситуации (что как раз и происходит сейчас) правительство может приостановить финансирование мероприятий по импортозамещению;

в-четвертых, риск технологического отставания российской промышленности на глобальном уровне. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, так как процесс импортозамещения может быть довольно длительным, существует риск частично заменить импорт из экономически развитых стран другим, доступным, но менее передовым в технологическом плане импортом из стран Азии, Латинской Америки и партнеров по ЕАЭС. Это не только затормозит развитие промышленности страны, но и создаст тренд на снижение технологического уровня российской промышленности (а оно и так составляет у нас во многих случаях 30-40 лет). Во-вторых, стратегия импортозамещения в краткосрочной перспективе ориентирована на замену зарубежной продукции отечественными аналогами. То есть, по сути, речь идет о копировании зарубежных продуктов и технологий, которые уже существуют на рынке. А это означает перманентное технологическое отставание. Преодоление указанного риска возможно за счет опережающего (по отношению к производству) развития отечественной исследовательской и конструкторско-технологической базы и школы, что требует в свою очередь, как я уже сказал, активизации усилий по поддержке науки и образования и их интеграции с производством.

Завершая, подчеркну – и приведенные приоритеты, и эти и другие риски, так или иначе, безусловно, необходимо учитывать при разработке нашей *промышленной политики*. Нам необходимо, безусловно, и международное сотрудничество; промышленная политика не должна носить характер индустриальной автаркии. И, конечно, промышленная политика должна опираться на приоритетное развитие человеческого капитала в рамках концептуальной платформы интеграции науки и образования с современным производством.

По нашему убеждению, лишь реализация **такой** промышленной политики позволит выполнить не только *локальную задачу импортозамещения*, но и осуществить подлинную ***новую индустриализацию*** отечественной экономики и, на этой базе, ***неоиндустриальную модернизацию России***.

Уважаемые коллеги! Благодарю вас! Час, отведенный на мой доклад, закончился. Искренне благодарю вас за внимание к поднятой проблеме и представленным в докладе предложениям нашего Института.

**1.4. Иллюстративный материал
к докладу д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова
«Интеграция производства, науки и образования
как основа реиндустриализации российской экономики»**

Слайд 1

**РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ:
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ НА ОСНОВЕ
ИНТЕГРАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, НАУКИ И
ОБРАЗОВАНИЯ**

С.Д. Бодрунов,
д.э.н., профессор,
директор Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте,
Санкт-Петербург, Россия

Основные тезисы доклада
на научном семинаре «Современные проблемы развития»
(Москва, ИМЭМО РАН)

16 марта 2015 г.

Слайд 2

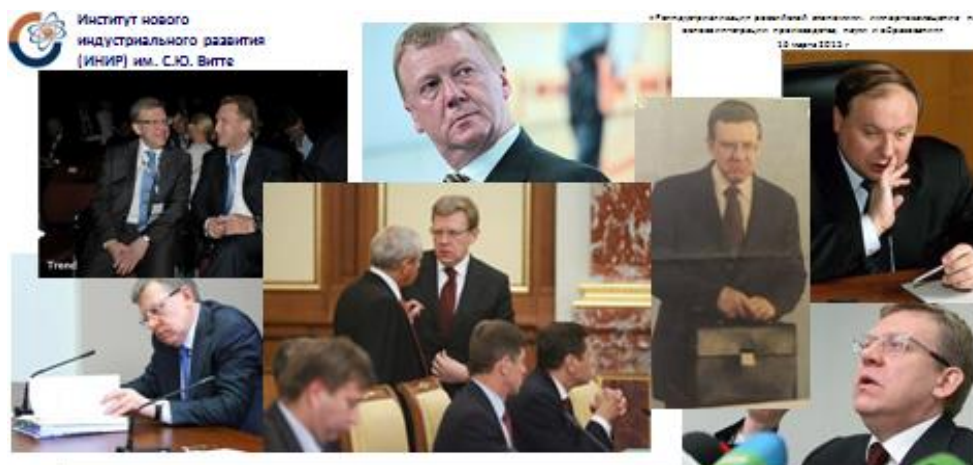

В.В.Путин:

«... Ныне
действующая
экономическая
модель... себя
исчерпала...»

«... Сохранение подобной ситуации –
это угроза нашей национальной
безопасности...»

Слайд 3

Министр финансов РФ Алексей Кудрин (2000 – 2011 гг.):
«... проект бюджета 2005 года – *самый реформаторский за последние годы...*»
«... Бюджет более ориентирован на результат, *сохраняются основные принципы бюджетной политики последних четырех лет, это – ядро экономической политики, обеспечивающее рост экономики в последние годы...*».

Слайд 4

Слайд 5

Деиндустриализация – «Эффект 4Д»

- деОрганизация процесса производства (снижение уровня организации производства и управления производством);
- деГрация применяемых технологий (падение технологического уровня производства);
- деКвалификация труда в производстве;
- деКомплицирование (упрощение) продукта производства.

Следствия:

- деСтабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний;
- дезИнтеграция промышленных структур и связей;
- де..
- де..
- де..

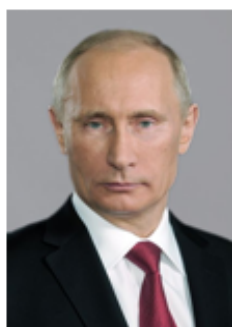
...

Экономический результат – общий упадок и утрата базовых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии. Социально-политические последствия – негативные.

Слайд 6

Слайд 7

Реиндустриализация –
«...интенсивное развитие
промышленности России
за счет... новых технологий
и оборудования, ...
реорганизации
промышленности в целом
и ее базовых элементов и
субъектов...».

В.В. Путин

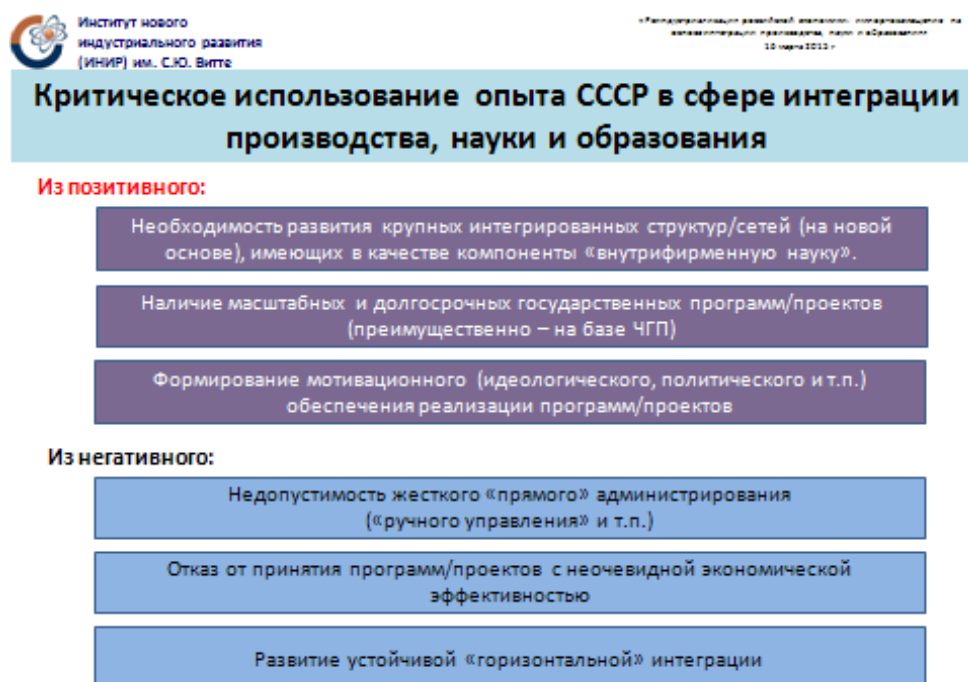
Слайд 8

Слайд 9

Слайд 10

Слайд 11

Слайд 12

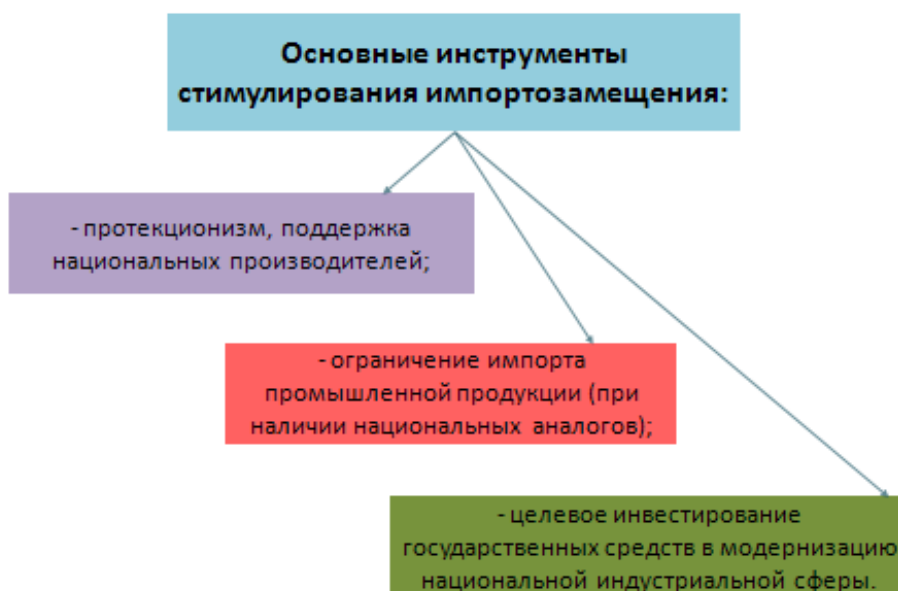
Слайд 13

С.А. Цыб,
заместитель Министра
промышленности и
торговли РФ:

«Импортозамещение ...
возможно только в случае
наличия соответствующих
свободных производственных
мощностей и
конкурентоспособных
предприятий, которые могут
предложить качественную
продукцию по рыночным
ценам».

Слайд 14

Слайд 15

Соотношение экспорт/импорт	2000г.	2012г.
Всего:	2,3 р.	1,57 р.

Доля в структуре российского экспорта	1995г.	2014г.
- мин.продуктов	42,5%	72,0%
- машин/ оборудования / транспортных средств	10,2%	4,5%

Доля в структуре российского импорта	1995г.	2014г.
- машин/ оборудования / транспортных средств	33,6%	48,3%

Слайд 16

Создание, приобретение и использование передовых производственных технологий в обрабатывающей промышленности России (2010-2013 гг.)

Показатель	2010	2011	2012	2013
Число разработанных передовых производственных технологий	864	1138	1323	1429
Число разработанных новых для России производственных технологий	215	320	320	374
Число принципиально новых передовых производственных технологий	16	18	16	24
Число используемых передовых производственных технологий	135945	118021	119182	121103
Количество приобретенных новых технологий	11832	23236	12050	9989

Источник: Росстат

Слайд 17

Приоритеты реиндустриализации/ экспорториентированного импортозамещения

- активная государственная промышленная политика;
- благоприятная экономическая среда;
- адекватные стимулирующие денежно-кредитная политика ЦБ и бюджетно-налоговая политика Минфина;
- стимулирование внутреннего спроса;
- длительный характер проводимых мероприятий;
- сохранение высокой степени открытости экономики;
- государственная поддержка экспорта.

Слайд 18

Для реализации задач реиндустриализации и, в частности, импортозамещения НЕОБХОДИМЫ:

Активная промышленная
политика

Государственно-частное
партнерство

Селективный протекционизм

Международное
ПНО-сотрудничество

Слайд 19

Риски реализации политики реиндустриализации

Снижение конкурентоспособности вследствие «стерилизации» условий работы на внутреннем рынке (снижение давления конкуренции, сглаживание рыночных провалов за счет гос.поддержки и т.п.).

Снижение эффективности экономики в целом вследствие более низкого уровня и нарастающего отставания в развитии отечественных технологий и продуктов.

Возрастание нагрузки на бюджет вследствие необходимости опережающим образом инвестировать в технологическую модернизацию экономики и необходимости компенсации неэффективности индустриальной сферы.

Угроза технологического отставания российской промышленности, развитие долгосрочного тренда на снижение ее технологического уровня вследствие, с одной стороны, необходимости импорта (копирования) технологических решений и образцов, в большинстве случаев не являющихся передовыми и, с другой стороны, недостатка средств и возможности «выращивания» опережающими темпами передовых технологий на базе указанных выше импортированных (материнских).

РАЗДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

2.1. Выступления оппонентов по докладу д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова «Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики»

В.А. Мельянцев,
заведующий кафедрой международных экономических
отношений Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова,
д.э.н., профессор

Кое-что из зарубежного опыта эффективной промышленной политики

Опыт ныне развитых, а также новых индустриальных и быстро индустриализирующихся/модернизирующихся стран, хорошо отфильтрованный от мифов, сказок и пропаганды, очень ценен и полезен для отставших или недостаточно быстро растущих стран. Это, разумеется, тема для многих конференций, семинаров, симпозиумов и множества многостраничных текстов. Но кое-что важное из этого опыта можно в контексте обсуждаемой на семинаре проблемы затронуть и сегодня.

Понятное дело, «фавориты удачи» не всегда заинтересованы делиться своими наработками и секретами. Они готовы скорее представить удобную интерпретацию истории своей экономической модернизации, перенаправив усилия догоняющих стран в выгодное им (развитым государствам) русло. Когда же ученые и общественные деятели из стран Азии, Африки и Латинской Америки и России говорят: «Сдается нам, вы что-то недоговариваете и скрываете из слагаемых вашего успеха», они часто слышат в ответ: «Another time, another situation. Do what we say, not what we did».

Как мы знаем, несмотря на многочисленные кризисы последних десятилетий, представители развитых стран в интересах ТНК и ТНБ продолжают навязывать развивающимся государствам в той или иной упаковке инвариант «Вашингтонского консенсуса» с его главным принципом: «ребята, экономически откройтесь, расслабьтесь, и все будет замечательно: невидимая рука (адамсмитовского) рынка сработает как надо в духе вольтеровского Панглосса «tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes possible».

Но эти мантры – для простодушных или профанов, поскольку, как образно сказал один из исследователей экономической модели Республики Корея, у нее «invisible hand was in an iron glove». Здесь речь идет об эффективном государственно-частном партнерстве. В том-то и дело, что своему успеху ныне успешные страны во многом обязаны энергичному вмешательству, правда, подчеркнем, не безграничному, как, скажем, в СССР, а все же ограниченному по своим размерам, государства, которое, вследствие сложившихся социокультурных и институциональных причин, в целом весьма прагматично направляло экономику и последовательно отстаивало интересы национальных предпринимателей. Так, в экономическом подъеме Великобритании в период до и во время ее промышленного рывка существенную роль играли не только купцы и ремесленники, но и бюрократы, военные и политики, которые, употребляя образное выражение У. Ростоу, «раздвигали возможности купцов и ремесленников»¹. Великобритания, напомню, задолго до начала промышленной

¹ Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 100.

революции занималась тем, что упорно выдавливала своих конкурентов с морей, океанов, со своего внутреннего и внешних рынков. По расчетам британского историка Р.К. О'Бриен, ее военные расходы с последней четверти XVII века по первую четверть XIX века, составлявшие в среднем 7-9% национального дохода, в полтора раза превышали долю в нем частных инвестиций. Конечно, это создавало напряжение для общества и экономики. Но, поскольку британцы войны, которые они вели (к тому же не на своей территории), как правило (за исключением двух войн с американцами), выигрывали, военные расходы, в конечном счете, окупались, приносили свои дивиденды. Ряд экспертов эти военные расходы квалифицировали как «прорыночные», бизнес-ориентированные квазиинвестиции².

Экономически отставая от ряда европейских государств (например, от Фландрии), британцы стали предпринимать энергичные меры в области промышленной политики (ограничение вывоза сырьевых товаров, тарифное обложение импорта и субсидирование экспорта готовых изделий, введение Навигационного акта (1651-1849 гг.)), начиная еще при Тюдорах (Генрихе VII, Елизавете I), затем Кромвеле, и долгое время при королях ганноверской династии. В Великобритании почти всю первую половину XIX века и в США практически весь XIX век, т.е. пока эти две страны индустриализировались, они имели уровень тарифной защиты своей промышленности (30-45%), в среднем в пять раз (!) более высокий, чем существующий ныне в развивающихся странах³.

Подавляющее большинство американских президентов и политических деятелей, изображенных на денежных знаках США, – протекционисты или сторонники активной промышленной политики⁴. Получилось так: США, вследствие проведения достаточно жесткой внешнеторговой протекционистской политики, сопровождавшейся интенсивным притоком капиталов, иммигрантов, а также осуществлением активной либеральной внутриэкономической политики, сумели в сравнительно короткие сроки после гражданской войны перегнать главного (с середины XIX века) фритрейдера и мастерскую мира, Великобританию, по абсолютным размерам ВВП уже в 1870-е годы, а в расчете на душу населения – к началу прошлого века⁵. Здесь, помня о структуре экономики и экспорта России и многих развивающихся стран, полезно подчеркнуть, что США в то время по качественным характеристикам своего вывоза отнюдь не были «впереди планеты всей». Если в Великобритании и Германии доля готовых промышленных товаров в экспорте в 1913 г. составляла соответственно 76-77 и 71-72%, то в США – всего 32-34% (а в 1880-е годы – 20-25%)⁶.

Соглашаясь с британским математиком и статистиком профессором Дж. Боксом, который подчеркивал, что «все модели неправильны, но некоторые полезны», приведем, не столько с целью доказательства, сколько иллюстрации ради, рассчитанный нами график.

² См.: О'Бриен Р.К., Куинault R. *The Industrial Revolution and British Society*. Cambridge, 1993. P. 12, 126.

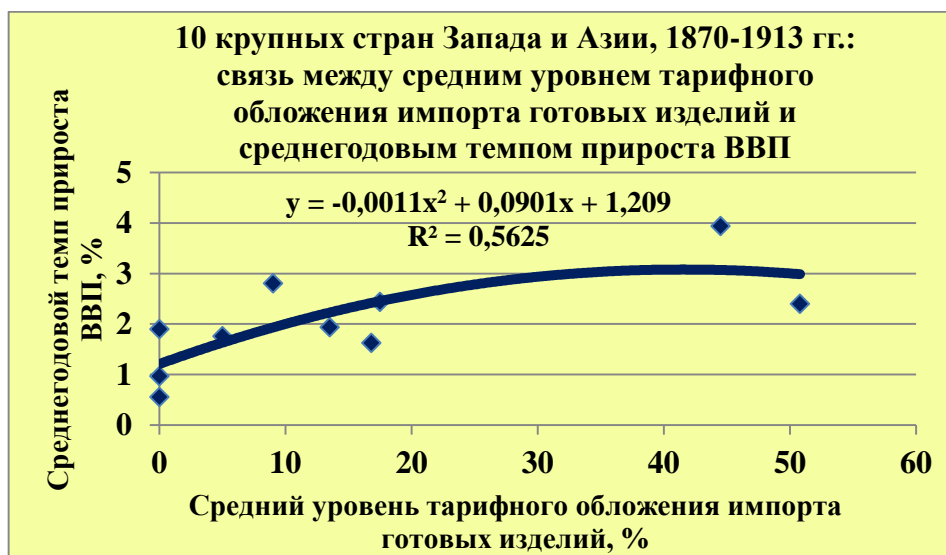
³ Составлено и рассчитано по: Bairoch P. *Economics and World History*. New York, 1993. P. 35, 40; Chang, Ha-Joon. *Kicking Away the Ladder. An Unofficial History of Capitalism, Especially in Britain and the United States // Challenge*, 2002, vol. 45., N 5. P. 68; The World Bank. *World Development Indicators*, 2012. Washington, D.C., 2012. P. 356.

⁴ См.: Chang, Ha-Joon. *The Dangers of Reducing Industrial Tariffs // Challenge*, 2006. Vol. 48. N 6. P. 56-57.

⁵ См.: Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003. P. 49, 61, 84, 88.

⁶ См.: *Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957*. Washington, D.C., 1961. P. 544; Bairoch P. *Commerce extérieur et développement économique de l'Europe au XIX siècle*. Paris, 1976. P. 247; Bairoch P., Kozul-Wright R. *Globalization Myths: Some Historical Reflections on Integration, Industrialization and Growth in the World Economy // UNCTAD Discussion Papers*, 1996. N 113. P. 10, 17.

График

Составлено и рассчитано по: Chang, Ha-Joon. *Kicking Away the Ladder. An Unofficial History of Capitalism, Especially in Britain and the United States* // Challenge, 2002. Vol. 45.N 5.P. 68; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003.P. 253, 267.

В нем просматривается весьма существенная и значимая позитивная корреляция ($r=0.74$) между уровнем тарифной защиты обрабатывающей промышленности и динамикой экономического роста в десяти крупных странах мира (четыре западноевропейские и четыре азиатские страны, США, Россия) на этапе интенсивной индустриализации конца XIX – начала XX века. Тогда многие ныне развитые государства быстро индустриализировались. А ряд других стран, колониальных и зависимых, были, как известно, в отличие от большинства стран Запада (кроме, пожалуй, Великобритании), лишены тарифной защиты. Они не могли проводить промышленную политику и в немалой мере вследствие этого экономически стагнировали.

Расчеты по модели⁷ на основе имеющихся высокоагрегированных данных, учитывающей только прямые эффекты, при всей их условности, показывают, что в период индустриализации США примерно с конца XVIII века по начало XX века вклад импортозамещения в прирост ВВП мог составить весомую долю – около 1/5, расширения внутреннего рынка около 3/4, а вклад экспортрасширения – менее 1/10.

Небезынтересно, хотя это требует дополнительных расчетов и более детального анализа, что, по имеющимся данным, в КНР в 2006-2013 гг., когда среднегодовые темпы прироста ВВП сократились более чем на треть, а доля в нем экспорта и импорта – соответственно с 39 до 26-27% и с 31 до 23-24%, вклад импортозамещения, как и в XIX веке в США, оказался примерно равен 20%, расширения внутреннего рынка 70%, а экспортрасширения всего 10%.

⁷ Расчеты произведены по следующей формуле: $\Delta Y = d_1 \cdot \Delta S + \Delta X + (d_2 - d_1) \cdot S_2$, где ΔY – прирост ВВП, S_1 и S_2 – внутреннее предложение ресурсов ($Y-X+M$) в начале и конце периода, d_1 и d_2 – соответственно доли внутреннего производства ($Y-X$) в начале и конце периода во внутреннем предложении ресурсов – $(Y-X)/(Y-X+M)$. Прирост ВВП складывается из трех эффектов: увеличения внутреннего спроса, экспортной экспансии и эффекта импортозамещения (исчислено по: Maddison A. *L'économie mondiale au 20 siècle*. Paris, 1989. P. 155; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris, 2003. P. 84-85; WorldDataBank (<http://databank.worldbank.org>), IMFData (<http://www.imf.org/external/data.htm>); American Economic Growth. *An Economists History of the United States*. New York, 1972. P. 568.

Аналогии могут хромать. Вспоминая макиавеллевское «ничто не верно само по себе, но все – смотря по обстоятельствам», подчеркнем, что, судя по нашим ориентировочным подсчетам, зависящим от состава выборки стран, в послевоенный период связь между тарифной защитой импорта и экономическим ростом в целом по миру, если поэтапно двигаться от 1950-х годов к настоящему времени, (а) нарастающе, хотя и не монотонно, ослабевала, (б) превращаясь в отрицательную. К тому же надо иметь в виду, что, как показал, если я не ошибаюсь, еще профессор Г.К. Широков, важно не просто импортозамещение, которое, судя по материалам экономической истории латиноамериканских и части азиатских стран, приводило ко многим негативным последствиям, в частности, – в отсутствии конкурентных рынков – к торможению роста (или даже стагнации) технологического уровня, снижению рентабельности производства в ряде сегментов промышленности, увеличению размеров внешней валютной задолженности. Чрезвычайно важно – и это показал пример новоиндустриальных стран, таких как Республика Корея и Тайвань, а также КНР – наращивание экспортоориентированного импортозамещения.

В этом плане у РФ перспективы экспортного развития, не говоря уже об экспортоориентированном импортозамещении, кроме поставок на внешний рынок вооружений, комплектующих в сфере атомной промышленности, а также, возможно, железных дорог, в среднесрочном плане представляются, увы, не слишком обнадеживающими. Поскольку так получилось, что среди наших ближайших контрагентов – огромный индустриальный гигант (Китай) с высокой, в т.ч. ценовой конкурентоспособностью, обладающий как минимум на порядок большим, чем у нас, «эффектом масштаба». Гигант, который деиндустриализирует многие страны, как развитые, так и развивающиеся, а многим из последних просто не дает шанса по-настоящему начать индустриализацию.

А.И. Салицкий,
главный научный сотрудник сектора
социально-экономических проблем ИМЭМО РАН,
д.э.н., профессор

Индустриализация и замещение импорта в КНР

Замещение импорта, если говорить о зарубежном опыте, имеет, пожалуй, самую яркую историю в пореформенном Китае. Концептуальное оформление этого компонента внешнеэкономической стратегии можно отнести к середине 1980-х годов. Тогда в КНР подвели первые итоги открытой политики, начатой в конце предыдущего десятилетия. Критический анализ первых лет нового курса (и в том числе чрезмерных ожиданий по поводу использования иностранного капитала и неудавшейся «попытки купить модернизацию») позволил сделать целый ряд обобщений, ценных, как мне кажется, и для нашей сегодняшней дискуссии. Но перед тем как приступить к этим воспоминаниям о замещении импорта в Китае, отмечу, что главная мысль доклада профессора С.Д. Бодрунова – о необходимости реиндустриализации России – мне очень близка. Важное, быть может решающее значение промышленного развития для благосостояния больших и малых народов, если говорить об азиатском опыте в целом, хорошо видно при сравнении, например, современных Сингапура и Гонконга или того же Китая и Индии.

Но вернемся к китайской действительности тридцатилетней давности. В те времена, напомню, на долю Китая приходилось лишь около 1% мирового экспорта – против 9% у Японии (теперь экспорт КНР примерно в два с половиной раза превышает японский показатель). Примечательно (и актуально) то, что в структуре китайского вывоза около половины приходилось на сырье и топливо, включая нефть. Одним из лозунгов того времени было замещение экспорта: под ним подразумевалось сокращение экспорта сырья и наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности.

В ходу была и установка «импортом вскармливать экспорт». В замещении импорта (локализации производства, *гочаньхуа*), иногда перераставшем затем и в экспорт освоенной продукции, различали два основных варианта: «с головы» и «с хвоста» – т.е. частичное или полное производство изделия внутри страны. Например, при производстве цветных телевизоров в те времена в дефиците были кинескопы, со временем их производство освоили.

Совмещая оба этих варианта, китайцы и в новом веке стремятся к полному освоению технологий изготовления промышленных товаров. От «сделано в Китае» стараются переходить к «сделано Китаем». Статистика, заметим, ведет учет участия экономики в GVC (глобальных цепочках создания стоимости – у нас такой статистики нет), эта доля, заметим, в Поднебесной последовательно снижается. Так, в новом веке доля *processing trade* (*цзягун маои*) сократилась с более чем 50% до 36% внешней торговли. Повысилось и соотношение между стоимостью экспорта и импорта в этом сегменте внешней торговли (с 1.4 в начале века до 1.7 в 2014 г.).

Иными словами, в КНР успешно сочетали, условно говоря, Д. Рикардо и И. Фихте, сравнительные преимущества и самообеспечение. В наши дни в Китае уже не довольствуются одной только ролью изготовителя, стараясь совмещать ее с разработкой продукта и его доведением до конечного потребителя. В повестке дня – и вскармливание китайских глобальных брендов.

Перерастая национальные рамки, комплексная промышленная система Китая стремительно расплзается по планете – это та реальность, без учета которой вряд ли будут успешными попытки российской реиндустриализации. Быть может, какие-то звенья китайской производственной системы окажутся и на нашей территории: здесь немалый простор для конкретных исследований, перевода нынешней политической близости во взаимовыгодную координацию и кооперацию. Но и угрозы со стороны мировой фабрики нельзя недооценивать: недаром на Западе теперь столь популярны планы инсорсинга, рещоринга и прочих аналогов «архаичного» замещения импорта.

В заключение вернусь к тому, с чего начал: концептуальному оформлению внешнеэкономической стратегии КНР в середине 1980-х годов. В докладе С.Д. Бодрунова замещение импорта и реиндустриализация предстают то стратегией, то политикой. Можно, вероятно, употреблять и более модное слово «практики». Важно другое: китайский подход обычно четко постулирует средства и цели. Так вот, раз уж речь у нас зашла об угрозах национальной безопасности, то полезно вспомнить важную стратегическую цель, сформулированную в КНР в середине 1980-х годов. Цитирую: «использовать внешнеэкономические связи для интеграции внутреннего рынка»⁸ (в СССР в ту пору, а затем и в РФ очень увлекались идеей «интеграции в мировую экономику»). Очень непростая задача в условиях глобализации. Но в Китае с ее решением во многом справились.

Насколько возможно повторение китайского опыта? В наши дни это невероятно сложно: очень многие практики, которые использовались Китаем и его соседями по Восточной Азии, фактически противоречат установленным режимам международной торговли и движения капитала. Увидим ли мы ренессанс протекционизма, в котором теперешний Китай несколько лицемерно упрекает развитые и не только развитые страны? Возможен ли такой ренессанс в современной России? Вопросов, как всегда больше, чем ответов.

⁸ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин. 1984, с. 37 (кит. яз.).

«Ресурсный» анализ пессимистического идеалиста

Не оспаривая необходимость разработки промышленно-технологической тематики в целом и даже ее конкретных направлений, а также никоим образом не намекая на безвыходность сложившейся ситуации в промышленности РФ, в данном материале хотелось бы прежде всего сконцентрироваться на наиболее болезненных вопросах и вызовах промышленно-технологического развития в целом и импортозамещения в частности. При этом автор:

а) сознательно оставляет «за скобками» позитивные моменты, связанные с данной сферой, а также те успехи, которые уже были достигнуты – потому что оптимизация или (ре)формирование целостной и эффективной промышленно-технологической политики возможны только при условии понимания проблем и ограничений;

б) рассматривает исключительно вопрос развития обрабатывающей промышленности, причем в отрыве (понятно, условном) от сфер наукоемких услуг, в том числе в части информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и промышленных решений – в силу концентрации дискуссии именно на вопросах развития «материального» производства.

Начиная разбор ситуации, замечу, что в российских дискуссиях – в отличие от передовых развивающихся стран – до сих пор не артикулирован едва ли не ключевой вопрос промышленной политики и импортозамещения, в частности. А именно – что же за отрасли или подгруппы отраслей мы должны развивать и что импортозамещать – и зачем? При всей кажущейся банальности и простоте вопроса ответ на него не очевиден.

Учтем, что эти два процесса могут быть различными. Например, часть отраслей и предприятий надо развивать (или создавать «с нуля», импортозамещать, локализовать) для будущего. И, напротив, можно говорить о создании/развитии ряда предприятий (если не отраслей) в импортозамещающем режиме или в режиме локализации, при этом не предполагая их долгосрочного развития, не говоря уже о ставке на них как на основу будущей экономики РФ. Т.е. они могут быть нужны для «закрытия» временных провалов в импорте, поддержания технологических цепочек действующих значимых предприятий (которые при этом могут не рассматриваться как кандидаты на выживание через 20-30 лет), или для замещения проблемных отраслей, которые просто «еще хуже».

Далее, уточним (несколько утрируя ситуацию), что в логике «вертикальной» промышленной политики активизировать поддержку можно в отношении:

- отраслей или отдельных подотраслей (скажем, производства полупроводникового оборудования для потребительских товаров) с четким пониманием, на какие рыночные, технологические и производственные позиции они должны выйти; и когда и как отрасль выйдет на производство продукции с технико-технологическими и ценовыми характеристиками не хуже или лучше мирового уровня;

- отдельных предприятий-лидеров – опять же с более или менее четким пониманием целей и результатов.

И, наконец, учтем, что и приоритетов, и «лидеров» для страны, пытающейся модернизироваться и выйти на путь устойчивого промышленного и инновационного развития с относительно низких или умеренных позиций, не может быть много. Соответственно, в логике вертикальной промышленной политики и мирового опыта догоняющего развития приоритеты должны быть ясно сформулированы как по конечному результату, так и по контролю за промежуточными этапами. В противном случае мы оказываемся перед риском недостижения конкурентоспособности и распыления ресурсов.

Посмотрим с этой точки зрения на российскую ситуацию. Для начала отметим избыточность российских официально заявленных и фактических (бюджетных и по линии

институтов развития) приоритетов промышленной и инновационной политики, их взаимопересечение и разнохарактерность. Это и функциональные (энергоэффективность, медицина), и технологические (нанотехнологии, стратегические ИКТ), и отраслевые (атомная промышленность и авиастроение) приоритеты.

Есть в РФ и провозглашенные приоритетными предприятия-лидеры – скорее по месту в экономике РФ и области госполитики, чем по рынкам или технологиям. Большая часть из них является крупными производственными госкорпорациями или ОАО в госсобственности. Пестрота их отраслевой специфики может просто изумлять. Скажем, только в одном ОАО «Ростех» около 700 (!) дочерних и зависимых обществ, при том, что 15 официально заявленных рынков для них (от автомобилестроения до ИКТ и фармацевтики)⁹ заставят покраснеть от смущения даже таких многоотраслевых гигантов, как Siemens или Toshiba.

А что же с предметными целями и контролем за этапами развития? Здесь также царит неясность. Для начала, в общем-то непонятно, на каких рынках, как и в каком качестве должна присутствовать Россия, что конкретно и почему мы должны импортозамещать, и какой социально-экономический эффект от всего этого получит Россия.

Все приоритеты и их расшифровки звучат абстрактно – за редкими исключениями (например, заявленные цели по доле на рынке гражданского авиастроения). Попытки как-то раскрыть выбор развития промышленных активов и импортозамещения через программы инновационного развития госкомпаний также не улучшают ситуацию. Хотя бы потому, что нередко речь идет о вопросах, имеющих многоотраслевое значение, где в части импортозамещения действовать все же должен или регулятор, или координационные структуры промышленности с участием регулятора. Однако существующие координационные структуры промышленного развития в РФ работают не очень хорошо¹⁰, а роль регуляторов не всегда рациональна и квалифицирована.

Система приоритетов и средства управления развитием (цели, контроль и т.д.) в РФ нередко прямо противоречит передовой мировой практике. Процесс идет без широкой предварительной дискуссии с экономическими и научными субъектами. Темпы разработки документов по-стахановски ударны, что вызывает опасения за их качество и содержательность.

Если обратиться от системы и содержания приоритетов к сакраментальному вопросу «зачем?», то и здесь не видно рационального подхода. По большому счету, основной мотивацией выступает не анализ российских интересов и возможностей, вызовов и рисков, не целеполагание среднесрочных задач и даже не рыночный расчет, а какая-то смесь выстраивания схем от существующих активов и апелляции к неким общим мировым тенденциям.

Скажем, нужен ли России мощный национальный производитель легкового автотранспорта? Точнее, нужно ли через прямые и косвенные меры господдержки (тарифные – до вступления в ВТО, через ГК «Ростех» со второй половины 2000-х) поддерживать эти предприятия? В течение 2000-х годов ответ казался положительным, однако в конечном счете возобладала логика поощрения локализации зарубежных предприятий. И это при том, что опять же перспектива по-настоящему серьезного развития того же АвтоВАЗ» так никогда и не была нормально сформирована.

Не вполне понятно, и какую роль даже в рамках «широких» приоритетов должны занять российские и зарубежные игроки. Например, в ряде отраслей и выгодно, и технически правильно быть (или иметь на своей территории производства) нишевыми лидерами, закупая прочие товары и услуги на мировом рынке. Скажем, стоит ли в РФ поддерживать создание самостоятельных производств 3D-принтеров – или лучше производить отдельные наиболее важные компоненты и комплектующие – лазерные «головки», уникальные материалы или, например, программное обеспечение? Не приведет ли попытка создать «все» к упрощению?

⁹ См. официальный сайт ГК «Ростех» – <http://rostec.ru/>. Дата обращения: 01.4.2015.

¹⁰ См., например: Дежина И.Г. Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

Скажем, по экспертным оценкам, в РФ производят углеволокно, а целый ряд ценных химических веществ, которые обеспечивают повышенные свойства композитов – нет. В каких отраслях лучше быть «вендором» – интегратором конечного продукта, но с производством компонентов и подсистем, «вынесенным» за пределы? Ибо промышленно-технологическая политика и импортозамещение должны реализовываться не для того, чтобы просто что-то производить на своей территории (это, скорее, логика «чучхе»), а для создания потенциала роста и экономической безопасности.

Итог всех этих критических соображений о приоритетах прекрасно иллюстрируется многозначительным замечанием Сенеки: ни один ветер не будет попутным для корабля, который не знает, куда плыть.

Внимательный читатель сразу возразит, что, помимо всех вышеописанных «вертикальных» сюжетов возможна и даже желательна горизонтальная промышленно-технологическая политика. А именно, совершенствование институциональных и макроэкономических условий для промышленного развития.

Проблема заключается в том, что, во-первых, горизонтальная политика возможна главным образом для передовых стран. Для догоняющего развития – не будем обманываться, перед Россией по большинству отраслей сейчас стоит именно эта задача – в чистом виде горизонтальная политика будет работать не очень хорошо в силу отсутствия необходимых ресурсов и институтов. Конечно, в реальности и «горизонтальная», и «вертикальная» модели сочетаются в политике разных стран, но вопрос состоит в их балансе и акцентах. Для нас задача роста оказывается сейчас вторичной – точнее, перспективной. Характерно, что даже понятие импортозамещения само по себе говорит о «догоняющем» характере промышленно-технологического развития РФ. Кроме того, по опыту РФ любые «горизонтальные» меры сталкиваются с миллионом барьеров – от грамотного артикулирования в госдокументах и до практической реализации.

Обратимся к ресурсам как к другому важнейшему составляющему формулы успеха промышленно-технологической политики и источнику избыточного оптимизма в этой сфере.

Для начала, в отличие от «азиатской» модели, для России невозможна эксплуатация так называемого фактора «отсталости». Налицо относительная дороговизна рабочей силы – даже по сравнению с СНГ, Китаем и тем более иными развивающимися странами. Примеры автопрома или пищевого сектора с их бумом за последние лет 15 не являются показательными. В первом случае налицо было сложное сочетание тарифных и нетарифных мер ограничения импорта с поощрением локализации, в другом – очевидные преимущества развития производств, территориально совпадающих с быстро растущим потребительским рынком. Для машиностроения, электроники или, скажем, тонкой химической промышленности эти факторы уже не будут актуальными.

Конечно, эту проблему может решить массовая роботизация, – но здесь мы сталкиваемся с ресурсной проблемой номер два. Неясны источники капитальных ресурсов, ибо промышленное и тем более промышленно-технологическое развитие является капиталоемким. На мощный приток прямых иностранных инвестиций – в силу санкций, невозможности эксплуатировать отсталость, несовершенных институтов, недостаточного качества технологических продуктов РФ – рассчитывать не приходится. Кредитный способ финансирования развития (по опыту Южной Кореи¹¹ и ряда иных стран) также нереален опять же в силу санкций. Население как ресурс капитала мало что обещает: россияне, попробовав вкус «общества потребления» и потребительского кредитования, вряд ли захотят перебиваться «с риса на воду» ради «светлого будущего» лет через 30. Да и столь ли велики резервы, которые можно «выкачать» из населения за счет искусственно повышенных цен и подобных практик? Тем более что социальная стабильность – важная цель руководства России.

¹¹ См., например: Федоровский А. Феномен чэболь. Государство и крупный бизнес в республике Корея. М.: Стратегия, 2008.

Своего рода ресурсом развития являются внешние рынки – как с точки зрения обеспечения прибыли (а, значит, и повышения инвестиционной привлекательности), так и технико-технологических требований, доступа к опыту, аутсорсингу, трансферу технологий и т.д. Опыт стран Латинской Америки и Тихоокеанской Азии вполне убедительно демонстрирует безальтернативность ставки на экспорт на высокомаржинальные рынки развитых стран для становления эффективной современной промышленности¹² – хотя бы в силу масштаба платежеспособного спроса на технически сложную продукцию.

Для России ситуация кратко сложнее. Во-первых, РФ никогда не была сильна потребительскими инновациями. Наш «конек» – это индустриальные и сложные инфраструктурные проекты, спрос на которые ограничен в силу естественных циклов инвестирования (от 5-10 лет) и их «чувствительности» к политическим факторам. Но даже и изобрети российский субъект что-то уникальное по части «гаджетов» или иного инновационного «железа», издержки производства, прежде всего, рабочая сила и различные транзакционные «кости» сразу «выгонят» его во все тот же Китай или в Восточную Европу. Заметим, что похожая ситуация, судя по всему, начинает складываться и в сфере ИКТ.

Во-вторых, ситуация вокруг санкций оставляет мало шансов на реализацию «идеального» сценария «массового» выхода на рынки США, ЕС и Японии. На краткосрочную перспективу страны БРИКС и иных развивающихся стран выглядят хорошим вариантом, но вряд ли они станут эффективным заменителем рынков стран ОЭСР на более длительный период. Мало того, что «россияне» пока явно слабее мировых компаний в рыночном, сервисном, технологическом и (часто) в ценовом отношениях, следует учесть, что большинство развивающихся стран сами озабочены импортозамещением и локализацией, так что росту российской промышленности это поможет в самом лучшем случае на среднесрочную перспективу.

Внутренний же рынок слаб и неразвит, и маловероятно, что даже интенсивное импортозамещение позволит создать достаточный спрос на по-настоящему необходимую для экономики сложную, технологичную продукцию. Так, доля машиностроения по самым оптимистичным подсчетам не поднималась в 2000-2010-х годах в структуре ВВП выше 5%, а по отгруженной продукции промышленности – выше 15%. Потребительский рынок «ослаб», к тому же, потребительские инновации – пока не наша сильная сторона.

Хотя в РФ высока доля устаревших основных фондов (в среднем около 46%¹³ по обрабатывающей промышленности, выше по отдельным отраслям и подотраслям) – что, вроде бы, отличный ресурс спроса, но даже в лучшие досанкционные годы темп прироста расходов на их обновление составлял не более 5-6% в год¹⁴. А в настоящее время инвестиции падают, как и показатели производственной активности. И при всем том, это в основном не хай-тек и даже не среднетехнологические решения. Вообще, существующая структура промышленности как источника спроса на то же импортозамещение скорее консервирует рынок, чем ведет его к новым высотам.

Российская «оборонка» потенциал спроса сохраняет, но он специфичен и при том ограничен физически возможными объемами госзакупок и экспорта вооружений с одной стороны, и объективными потребностями в обновлении/модернизации парка машин, оборудования, ИКТ-активов, с другой.

¹² См., например: Эльянов А.Я. НТП и экономическая политика на периферии мирового хозяйства // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4.

¹³ Степень износа основных фондов в Российской Федерации на конец года по видам экономической деятельности по полному кругу организаций, в процентах. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Обновлено 25.04.2014. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/macr8.xls.

¹⁴ Динамика изменения наличия основных фондов на конец года в Российской Федерации по видам экономической деятельности (в сопоставимых ценах). Федеральная служба государственной статистики. Обновлено 09.01.2014. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/DINAM_ved.xls.

Еще одним традиционным ресурсом модернизации, позволяющим серьезно снизить ее риски и капитальные издержки, является импорт технологий. Его активно использовали все страны, реализовывавшие данную стратегию с 1950-х годов. Но для России и он сейчас слабо реален. Во-первых, в силу санкций способность купить что-то по-настоящему важное на рынке сократилась еще больше (с учетом того, что и раньше наиболее передовые решения никто не продавал). К тому же ожидаемо удорожание технологического импорта того, что можно купить (платы поставщикам за политический риск или оплата «серых» схем поставок). Во-вторых, – и здесь мы подходим, пожалуй, к ключевой проблеме промышленно-технологической политики в целом – неясен кадровый ресурс, способный: а) массово освоить передовые технологии; б) создать на их основе улучшенные аналоги (реверсивный инжиниринг); в) разработать на следующем этапе оригинальные решения на основе заимствованных зарубежных технологий.

Вообще, кадровый ресурс остается едва ли не самым тревожным и неопределенным фактором российской промышленной модернизации и импортозамещения. Зарубежные эксперты¹⁵ и отечественные авторы как мантру повторяют тезис о высоком качестве человеческого капитала в России в качестве ресурса развития. И с формальной точки зрения вроде бы их тезис подтверждается.

По данным статистики, хотя кадровый потенциал ИР в России имеет непрерывную тенденцию к сокращению с 1990-х годов, это все еще почти 800 тыс. человек. Однако наибольший блок связан с различного рода исследовательскими организациями и вузами (более чем 486 тыс. чел., одна Российская академия наук до слияния с «братскими» академиями – почти 100 тыс. чел)¹⁶. В производственной сфере картина иная – на 2012 г. на промпредприятиях вместе с опытными заводами было занято 54,4 тыс. работников ИР. Конструкторские, проектные и проектно-изыскательские группы (притом, что немалая их часть работает на добывающие сектора) включали еще 138,3 и 6,8 тыс. чел.

Но взглянем на картину более внимательно. Во-первых, персонал ИР обрабатывающей промышленности составлял (на 2012 г.) лишь 42,7 тыс., из них собственно исследовательской деятельностью занимаются около 24,9 тыс. чел., что явно немного. Конечно, с учетом известной ограниченности статистических данных реальные цифры могут быть выше, но даже с этим допущением видны достаточно слабые технологические «мышцы»¹⁷ промышленности. Потенциал отраслевой науки по всем качественным и статистическим оценкам заметно деградировал.

Учитывая же данные по патентованию и импорту объектов интеллектуальной собственности, да и просто анализируя информационные потоки по российской инноватике, можно утверждать, что качество кадрового потенциала промышленных ИР в России далеко от идеала. Серьезные вопросы возникают даже по поводу способности к простому копированию зарубежных технологий – особенно по отдельным передовым отраслям.

Но, может, подготовка кадров исправит ситуацию? В конце концов, по данным официальной статистики, Россия почти в полтора раза превосходит США по количеству инженеров-выпускников на 10 тысяч населения. В более чем 500 вузах обучаются свыше 2 млн. человек по специальностям в области техники и технологий¹⁸. И снова тот же вопрос о качестве и реальном количестве по-настоящему технически образованной рабочей силы наводит на печальные размышления. Ведь мы не наблюдаем «взрывного» роста занятых в корпоративных лабораториях, конструкторских организациях, малых промышленных технологических компаниях. Нет и данных о спросе на российских молодых «технарей» за рубежом.

¹⁵ См., например: OECD Reviews of Innovation Policy: Russian Federation. Paris: OECD, 2011.

¹⁶ Индикаторы науки: 2014. Статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет, Высшая школа экономики, 2014. С. 36.

¹⁷ См.: Индикаторы науки: 2014. С. 42.

¹⁸ Муравьева М. Российские инженеры искажают мировую статистику // Наука и технологии в РФ. 2011. 25 апреля. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=39038#.VRvr1DSsVA0/. Дата обращения: 31.03.2015.

Еще более неприятна ситуация по высококвалифицированным рабочим. Опять же по официальной статистике (последние доступные данные за 2007 г.), почти 20% выпускников государственных средних специальных учебных заведений являлись специалистами по областям, имеющим отношение к обрабатывающей промышленности (около 135 тыс. чел)¹⁹. Но качество этого контингента оставляет желать лучшего, равно как и доля по-настоящему квалифицированных специалистов, реально работающих хотя бы в отдаленно соответствующей их навыкам сфере.

Так что же делать?

Для начала, как представляется, необходимо трезво посмотреть на наше реальное положение и отказаться от мечты за 180 дней (если кто помнит известные резонансные планы), пару годков и даже за 5 лет решить вопросы, на которые потребуются десятилетия. И, соответственно, отказаться от «штурмовщины» в принятии и исполнении решений, которые априори имеют долгосрочный характер.

Во-вторых, требуется обстоятельный диалог с участием промышленных лидеров и доказавших свою квалификацию экспертов для формирования «умной» госполитики – с продуманными целями, задачами, приоритетами и контролями. Агентство стратегических инициатив или Клуб R&D директоров и им подобные организации могут стать полезными площадками для формирования того и другого.

Аналогичным образом, совершенно необходимо начать выстраивать реальную систему обратных информационных связей с сообществами заинтересованных субъектов (промышленники, ИР, профессиональные общества и т.д.) как условие преодоления между этими группами и лицами, принимающими решения, асимметрии, что станет страховкой от неоправданных мер.

Хотелось бы отдельно упомянуть о необходимости выдавливания из себя «чучхеизма» и привыкания к тому, что в современности Россия (как и любая другая страна) не только может, но и должна быть тесно взаимосвязана с другими странами, в том числе и в производственной сфере. А промышленно-технологическая политика и импортозамещение должны решать задачи обеспечения развития экономики, а не формирования «континента Россия», производящего все – от гвоздя до космолетов.

Наконец, серьезное внимание надо, наконец, обратить на образование. Как бы это странно не звучало, после многих лет реформ – от внедрения ЕГЭ и до создания федеральных и национальных исследовательских университетов – реформа принципов образования и внедрения инновационных методов (вместо банального «укрупнения» и наращивания формальной отчетности) актуальна, как никогда. «Покупка» элементов образовательной системы за рубежом тоже неизбежна, как и при Петре I или в 1920-1930-х годах, хотя здесь нужно быть рационально избирательными.

Иными словами, нужно вместо судьбоносных и столь привлекательных «стратегий», «концепций» и прочих «высокоуровневых» решений заняться более рутинной, тяжелой, но необходимой деятельностью по подготовке условий для формирования ресурсов роста. Ибо путь в тысячу ли начинается с одного шага.

¹⁹Расчеты на основании: Выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями по группам специальностей (тысяч человек). Портал Статистика Российского образования. URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_5_14a&ttype=2&Field=All. Дата обращения: 01.04.2015.

А.В. Виноградов,
руководитель Центра политических исследований и прогнозов
Института Дальнего Востока РАН,
д.ф.н., профессор

Реиндустриализация предполагает инновационные технологии

Санкции и падение цен на нефть создали для России принципиально новую ситуацию, она вновь оказалась перед стратегическим выбором. Обострив существующие проблемы, внешние вызовы лишили действующую экономическую модель немногих оставшихся преимуществ и сняли последние ограничения для ее смены. Однако так же, как в Китае, где экономическая модель, основанная на дешевой рабочей силе, несмотря на моральное устаревание, не менялась на протяжении 2000-х годов, поскольку выполняла свои главные функции – обеспечивала высокие темпы роста, боролась с безработицей, повышала уровень жизни населения и т.д., так и в России, несмотря на общепризнанные недостатки сырьевой экономики, отказаться от нее было непросто. Только воздействие внешних факторов заставило срочно искать новые пути. Вероятно, имеет смысл говорить о завершении фазы вхождения обеих стран в глобальную экономику и начале поиска ими новой стратегии развития, но уже в новом качестве.

Принятое на рубеже 1990-х годов решение о присоединении России к глобальной экономике на условиях мирового рынка, предполагавших построение либеральной экономической и политической системы, определило ее развитие на два последующих десятилетия. Став, в конце концов, частью мира, к которому стремилась, она неизбежно попала к нему в зависимость, чем сейчас и попытались воспользоваться ее оппоненты. В условиях роста международной напряженности и санкций акцент в политике государства сместился на проблемы экономической безопасности. Импортозамещение в этих условиях стало одной из первоочередных и обязательных мер по преодолению последствий режима санкций.

Задачи, которые стоят перед Россией в связи с санкциями, отождествились в докладе со стратегией экономического развития страны. Однако импортозамещение все же не может рассматриваться как стратегический курс. Во-первых, в условиях санкций импортозамещение – вынужденная и поэтому экономически неэффективная мера, которая неизбежно ведет к росту цен. Во-вторых, на этапе становления глобальной экономики целый ряд государств через опыт импортозамещения смог провести индустриализацию и найти свое место в глобальном разделении труда. В глобальном мире импортозамещение – это барьер, с помощью которого Россия может оказаться отрезанной от мировой экономики и вернуться за «железный занавес». Закрывать и идти наперекор исторической тенденции нам самим ни в коем случае нельзя. В-третьих, в отличие от небольших народов, формой существования великих держав являются большие социальные проекты. Сравнение России, как и других великих держав, с Тайванем или Кореей не вполне корректно. США привлекательны не потому, что богаты, а потому что у них есть проект, благодаря которому они богаты. Сущность брошенного России вызова в том, что, став частью мировой экономики, она вновь получила право на инициативу по-настоящему исторического масштаба.

Наконец, импортозамещение внешне выглядит привлекательным еще и потому, что формально совпадает с целями реиндустриализации. Но приставка «ре» не должна вводить в заблуждение, она не подразумевает возвращение к предыдущему состоянию. Идея реиндустриализации – в поиске новых сфер индустриального развития, например, интернет-услуг. Еще раз сошлюсь на китайский опыт. На завершившейся в марте 2015 г. сессии ВСНП интернет-экономика была названа новым направлением развития китайской экономики. Увеличение объема и доли услуг в ВВП неизбежно, потому что отражает еще одну долгосрочную тенденцию к росту взаимодействия внутри общества по сравнению с традиционным взаимодействием человека с природой, воплощающемся в материальном

производстве.

«Стратегия реиндустриализации на базе преимущественного развития высоких технологий» связывается автором с импортозамещением, а не инновациями. Возможное объяснение заключается в отсутствии успехов на этом направлении – инновации в современной России, как и многое другое, что называется, не «пошли». Вместе с тем, после исчезновения ресурсных преимуществ у России остается надежда только на инновации. В свое время в период индустриализации она уже доказала, что способна объединить свои природные ресурсы с образованной и профессионально подготовленной рабочей силой и передовыми технологиями.

Возможности и благоприятные предпосылки для этого есть и сейчас. Переходный период в России совпадает с переходным характером эпохи. Это совпадение освобождает ее от инерции существующих в других странах и в разной степени успешных моделей, потенциал совершенствования которых они еще пытаются использовать. Воплощенная в глобализации фаза универсализма близится к завершению, в сменяющей ее фазе успех будет определяться не массовым производством, а индивидуальным, инновационным и интеллектуальным продуктом. Предложенный в докладе кластер ПНО (производство-наука-образование) может дать импульс инновационного развития, но в контексте доклада выглядит несколько декларативно, потому что не подкреплен конкретными, практическими соображениями о том, как его создать.

Выработка новой экономической стратегии всегда лишь часть национальной стратегии развития. Реализовать эту стратегию в России может только социополитический класс, который сам сейчас пребывает в состоянии становления. Когда в постсоветский период было принято решение двигаться в сторону Запада, тогда была утеряна самостоятельная цель и культура стратегического мышления и планирования, возникшая в эпоху социализма. Восстановить эту культуру тоже не просто.

Другая причина слабости государственной политики и распространения идеологии современного консерватизма лежит в том, что после негативного опыта в результате реформ на рубеже 1990-х годов значительная часть интеллектуалов самоустранилась от участия в выработке государственной стратегии. Эти функции взяли на себя чиновники. В результате на протяжении четверти века в России создавались институты рыночной экономики, но эта институциональная среда так и не смогла себя проявить при решении стратегических задач, в т.ч. инвестиционных и инновационных. Причина этого в том, что в основе российского предпринимательского класса, в значительной степени поспешно и искусственно создававшегося в 1990-е годы, лежит не трудовая, формирующаяся на протяжении поколений, а торгово-ростовщическая, спекулятивная этика. Возможно, придется подумать о формировании другой институциональной среды, которая смогла бы обеспечить концентрацию ресурсов на важнейших направлениях. Попытки этого в России видны в создании федеральных исследовательских университетов, в реформе РАН и создании ФАНО, но пока это выглядит скорее бюрократическим вмешательством в науку, нежели оптимизацией ее деятельности.

Последнее. Как смена научной парадигмы происходит вместе со сменой поколения, так и радикальная смена курса осуществляется со сменой руководства. Очень немногие политические деятели смогли подняться на историческую высоту и пересмотреть свой прежний курс в соответствии с требованиями времени. Тем не менее, такое развитие возможно. Дэн Сяопин совершил бескровную революцию, за 3 десятилетия изменившую самую большую страну в мире.

Д.Б. Абрамов,
старший научный сотрудник сектора политического
и культурологического образования ИМЭМО РАН,
к.п.н.

Новая индустриализация, но без изоляции

Тема доклада С.Д. Бодрунова являет собою настоящий интеллектуальный вызов, поскольку охватывает наиболее актуальные и проблемные сюжеты российской экономической действительности. Показательно, что уже ее формулировка звучит не бесспорно, и я бы предложил в исследовательских целях разделить две части назывного предложения в ее заглавии: «Реиндустриализация российской экономики: импортозамещение на основе интеграции производства, науки и образования». Проблема реиндустриализации российской экономики, на мой взгляд, не должна смешиваться со злободневной в силу геополитической необходимости задачей импортозамещения. Если насущная целесообразность задачи реиндустриализации, сводящаяся к отысканию Россией своего места в мировых цепочках производства добавленной стоимости не вызывает сомнения, то потребность в импортозамещении в немалой степени продиктована сиюминутной необходимостью замены выпавшего импорта в силу геополитической напряженности, возникшей между Россией и Западом, и должна быть разрешена преимущественно теми же внеэкономическими средствами.

Вопросы реиндустриализации в ключевых для любой современной экономики областях (информационные технологии и программное обеспечение, электроника и сфера телекоммуни-кационных услуг, современное машиностроение и приборостроение, индустрия медицины и фармацевтики) невозможно эффективно решать без привлечения западных технологий, специалистов и оборудования. Даже сельскохозяйственный сектор России в современных условиях не может развиваться обособленно от западной семенной базы и заимствования передовых аграрных технологий. Данное суждение опирается на почти двадцатилетний личный опыт работы докладчика в отечественном ВПК, в том числе в ОКБ им. П.О. Сухого, чей проект лайнера *Sukhoi Superjet 100* приводился в качестве положительного примера импортозамещения в сегодняшнем докладе. Основные причины образовавшегося отставания связаны с утратой значительного большинства из поколения инженеров и техников, подготовленного к вступлению на профессиональную стезю на рубеже 1990-х, что привело сегодня к трудновосполнимой нехватке опытных 40-ка и 50-летних специалистов, а также моральным устареванием собственных технико-технологических наработок позднесоветского периода при острой нехватке новых.

Проблему реиндустриализации в России, как представляется, следует решать комплексно во взаимодействии с Западом, наладив отношения и инвестиционный климат и прежде всего в тех точках роста, где минимальные трудозатраты, финансовые, инфраструктурные и иные вложения смогут дать максимальный рост прибавочной стоимости. Таков общий путь, и Российская империя, а позднее СССР не стеснялись заимствовать передовой технический и инженерный опыт с Запада. В немалой степени благодаря нему стала возможна эффективная индустриализация первых «пятилеток» в Советском Союзе.

Естественно, что отечественная экономика не можем быть эффективной во всех областях, но этого от нее и не требуется. Сегодня уже говорилось о двух важнейших вызовах реиндустриализации: недостаточном объеме внутреннего рынка стран Таможенного союза и проблематичности субъекта этого процесса. Первый из вызовов разрешается за счет отказа от попытки тотального импортозамещения при отыскании и усиленном развитии тех областей, в которых мы имеем конкурентные преимущества. Второй вызов не имеет быстрого решения, но ответ на него может быть найден «на основе интеграции производства, науки и образования».

Этот тезис С.Д. Бодрунова мне особенно близок. Действительно, преодолеть технико-

технологическое отставание и сформировать современный кадровый резерв без качественного профессионального образования, интегрированного с производством и отраслевой наукой, невозможно. Также поддерживаю тезисы докладчика о расширении практики государственно-частного партнерства и воссоздании системы начального и среднего профессионального образования, ориентированного на нужды высокотехнологичного промышленного производства. Не менее актуальным мне представляется развитие институтов, прежде всего повышение эффективности судебной системы, защищающей права собственности и инвестиций, борьба с коррупцией и всеми формами притеснения частной инициативы граждан, малого и среднего бизнеса, лишь в партнерстве и в конкуренции с которым можно полностью раскрыть потенциал развития России. Перечисленные положения следует вместе с тем наполнить реальным содержанием и не уповать на существенный результат в краткосрочной перспективе, поскольку человеческое развитие и изменение предпринимательского климата требует системных и долгосрочных усилий.

А.Я. Эльянов,
главный научный сотрудник Центра проблем развития
и модернизации ИМЭМО РАН,
д.э.н., профессор

Нужны не декларации, а конкретная программа действий

Пусть мы живем в постиндустриальную эпоху, но идею реиндустриализации можно только приветствовать. Хотя бы потому, что обрабатывающая промышленность отличается особой динамичностью, оставаясь при этом основным источником и носителем НТП. Так, в 1950-2012 гг. при увеличении мирового материального продукта в 8,8 раза производство промышленной продукции (представленной изделиями обрабатывающей промышленности) выросло в 13,1 раза, при увеличении сельскохозяйственного производства в 4,3 и добычи полезных ископаемых в 4,9 раза²⁰. Между тем в России добыча полезных ископаемых включается в состав промышленного производства, тем самым завышая его общие и среднестатистические объемы и создавая иллюзию более высокого (нежели в реальной действительности) уровня промышленного и общеэкономического развития.

Столь весомая разница в динамике трех основных компонентов материального производства в основе своей обусловлена различной эластичностью спроса по доходу на соответствующую продукцию и потому не поддается сколько-нибудь быстрым изменениям. Но дело не только и даже не столько в особо высокой динамичности обрабатывающей индустрии, способствующей эффективности всего процесса развития. Не менее важен ее неисчерпаемый творческий потенциал, позволяющий создавать всевозможные новые виды изделий по мере появления реальных потребностей, обеспеченных необходимым платежеспособным спросом.

Что же касается вынесенной на обсуждение идеи о проведении в России импортозамещающей индустриализации, то в этом вопросе пока еще много неясного. Ибо кроме самых общих, ни к чему не обязывающих слов о возможности замещения импорта части промышленных изделий их местным производством для преодоления негативных последствий экономических санкций Запада, связанных с украинскими событиями, официально пока еще (на середину апреля с.г.) ничего не говорилось. Исключая разве что заявление вице-премьера Д. Рогозина о необходимости индустриализации Арктики, имея в виду обновление и увеличение арктического ледокольного флота.

²⁰ Подробнее см. «Об основном локомотиве экономики», А.Я. Эльянов, журнал «Общество и экономика», 2014 г., № 9, стр. 40-53.

Это заявление вице-преьера можно, помимо прочего, рассматривать и как свидетельство того, что в повестке дня российского правительства едва ли значится идея разработки какой-либо конкретной программы промышленного импортозамещения. Программы, которая была бы при этом нацелена на всемерную модернизацию российской обрабатывающей промышленности, в чем последняя нуждается уже давным-давно. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить практически ничем не мотивированный отказ от программы экономического развития, разработанной в свое время под руководством Э. Набиуллиной, когда та выступала в роли министра экономического развития.

Между тем разработка такой программы представляется неременным условием сколько-нибудь успешной реализации идеи жизненно необходимого импортозамещения. Ибо никто кроме людей, так или иначе связанных с работой в правительстве, не может лучше знать реального состояния нынешней отечественной промышленности со всеми ее технико-технологическими, организационно-техническими и кадровыми проблемами, большинство которых требует безотлагательных решений, которые едва ли могут быть достигнуты без активного подключения к этому процессу государства.

Не следует забывать и о том, что мы живем в эпоху глобализации, во многом переиначившей не только движущие силы, но и структуру промышленного развития в сравнении с индустриальной эпохой, когда прежде всего в основном и создавалась нынешняя обрабатывающая промышленность России. При этом во многом изменился и процесс реализации промышленной продукции, в преобладающей своей части осуществляемой ныне через посредство так называемых глобальных стоимостных цепочек, которых в те времена не было и в помине.

Если же импортозамещение отдать на откуп рыночной стихии, то промышленное предпринимательство в России может на какое-то время лишиться национального сегмента, что чревато серьезными негативными последствиями.

**К.Н. Андрианов,
профессор кафедры менеджмента Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
профессор кафедры государственного и муниципального
управления факультета МИДПО,
к.э.н., доцент**

Политика импортозамещения и бюджетный процесс

В докладе (и особенно – в тезисах к нему) директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте С.Д. Бодрунова совершенно справедливо делается акцент на двух важных вещах. Во-первых, на том положении, что мы все-таки живем не в постиндустриальную эпоху, а в эпоху перехода к новому состоянию общества, которая является отнюдь не постиндустриальным, а неким новым, еще не изученным, но все более «проклевывающимся» и «оперяющимся» (извините за орнитологические термины) явлением, состоянием общества, которое автор – мне кажется впервые со времен Гелбрейта в известной экономической литературе (и в этом его большая научная смелость) называет «новым индустриальным обществом»; замечу, что в этом институте концептуальные основы данного положения отрабатываются уже на протяжении ряда лет, но лишь сегодня, насколько я могу судить (а я, в силу моей научной специализации, постоянно просматриваю все издания этого института), это положение выделено достаточно рельефно – думаю, что это связано как с необходимостью увязать тему доклада с авторским пониманием парадигмы «нового индустриального общества», так и с уважением автора к научному собранию, где это положение впервые озвучивается. Во-вторых, исходя из этого более общего положения, автор абсолютно справедливо связывает проблему реиндустриализации как некоего

механизма перехода к новому индустриальному обществу с локальной задачей, которую предстоит однозначно решать российской экономике, – импортозамещения, ухватив и раскрыв здесь тот факт, что эта локальная задача, с одной стороны, полностью по своим целям, задачам и механизмам реализации совпадает с более общей задачей осуществления новой индустриализации, с другой стороны, – является логичным шагом в условиях нынешней российской экономики на пути реиндустриализации.

И вот здесь очень важно, коллеги, чтобы произошла «увязка» задачи импортозамещения как раз с более обширной и стратегической задачей не просто проведения новой, очередной реиндустриализации российской экономики, но проведения ее в рамках именно *новой* индустриализации, как ее понимают автор доклада и его коллеги по Институту нового индустриального развития.

Можно спорить, конечно, о том, является ли предложенная автором «дистанция» развития человеческого общества новым его состоянием (в ряду: «индустриальная эпоха», неоиндустриальная/новоиндустриальная/«новая индустриальная» эпоха, постиндустриальная эпоха) или этапом одной из эпох – например, поздний этап индустриальной эпохи, либо переходный этап от индустриального к постиндустриальному обществу, либо «нулевой» этап постиндустриального общества, либо как-то еще – важным остается именно факт вычленения автором этого этапа развития общества на базе анализа его особенностей и отличий, поскольку эти особенности и отличия столь велики, что не только позволяют сформировать основные черты, абрис этого нового этапа, или, если хотите, эпохи в развитии общества, но и предложить на базе этого вычленения абсолютно конкретные механизмы и рекомендации для перехода российской экономической системы и российского общества к этому этапу, причем с четким учетом состояния российской экономики, состояния и тенденций развития экономики мировой, да и, собственно, реализуемых в нынешней ситуации мировой политики и международных отношений, и наших роли и места в глобальном экономико-политическом пространстве.

Хорошо бы, чтобы вот такой подход был осознан правительством, когда оно формирует свои задачи и планы.

Однако практика говорит об обратном. Во-первых, несмотря на вербально полную поддержку субъектов экономики в вопросах импортозамещения, наши ведомства (и не только Минпром, но и, в первую очередь, Минэкономразвития) не предложили до сих пор внятной программы импортозамещения. То, что мы видим, – это эклектика разных концепций и пожеланий, микс лоббистских усилий, ведомственных интересов и т.п. Ни о какой осмысленности я бы говорить здесь не стал. А почему это происходит? Думаю, потому, что в правительстве, как говорится в известной басне Крылова, «в товарищах согласия нет». Большинство участников и разработчиков таких документов остаются в рамках либерально-монетарной парадигмы, а кто-то ратует, наоборот за полную отмену либеральных подходов, радикальное ужесточение роли государства, и т.д. Собственно говоря, все это проистекает от того, что участникам этого процесса неясно, куда идти – соответственно, неясно, как идти, отсюда неясно – сколько и чего для этого надо, и т.д. Мне сейчас приходится в силу должностных обязанностей участвовать в нескольких экспертных Советах довольно высокого уровня, где обсуждаются предложения в бюджет нынешнего года. Я неоднократно давал жестко отрицательный анализ этого проекта бюджета. Я знаю также, что и докладчик недавно на Парламентских слушаниях с Совете Федерации также критически оценивал предложения Правительства по бюджету, справедливо указывая на то, что он в таком варианте не только не продвинет нас в решении задачи новой индустриализации экономики, но и не позволит всерьез обеспечить решение задачи импортозамещения и обеспечения национальной безопасности России. Я не буду приводить здесь примеры и анализировать, как эти бюджетные решения будут отрицательно влиять на решения упомянутых задач; интересующихся коллег я отсылаю к материалам февральских Парламентских слушаний в Совете Федерации. Но подчеркну – если бюджет будет принят и исполнен в таком виде, рассчитывать на то, что мы сделаем уверенный первый шаг по пути к новоиндустриальному обществу, вряд ли придется.

Для перехода к реиндустриализации у России всего два-три года

В докладе С.Д. Бодрунова поставлены важные и актуальные проблемы, от решения которых зависит не только будущее развитие, но и само существование России в современном мире. Дело в том, что мировая система переживает сейчас фазу великих потрясений в экономике и политике, предшествующую будущим глобальным технологическим и геополитическим сдвигам. В связи с этим вопрос о переходе России к новому индустриальному развитию становится ключевым. Если в ближайшие годы российская экономика сумеет выйти из кризиса, порожденного деиндустриализацией, и вписаться в процессы формирования и эволюции нового, шестого технологического уклада, то Россия сможет остаться субъектом мирового экономического и политического развития. Если же продолжатся процессы деиндустриализации и превращения страны в сырьевой придаток более развитых стран, то Россия превратится в объект политики других государств со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чем это чревато, наглядно показывает опыт Украины.

В докладе правильно отмечены некоторые важные предпосылки перехода к реиндустриализации, например, необходимость соединения науки, производства и образования, селективный протекционизм, политика импортозамещения. В то же время, как представляется, недостаточное внимание уделено проблеме субъекта нового индустриального развития, а также институциональным и организационным факторам, которые играют во многом определяющую роль. Говоря о субъекте нового индустриального развития, следует отметить, что таким субъектом может быть средний класс, а точнее малый и средний бизнес, взаимодействующий с крупными корпорациями и с государством, а также ученые, инженеры и другие специалисты, ориентированные на инновации и их внедрение в производство. В этой связи следует подчеркнуть слабое, совершенно недостаточное развитие малого и среднего бизнеса в России, особенно в наукоемких отраслях, его слабое взаимодействие с крупными корпорациями, в том числе с госкорпорациями. Между тем в США, Израиле и других странах весьма успешно работает система такого взаимодействия. Речь идет о системе «стартап» (start up), при которой небольшие предприятия малого и среднего бизнеса разрабатывают новые технологии, производства и виды услуг, доводят их до стадии, когда они начинают окупаться и приносить прибыль, а затем продают их крупным корпорациям. В свою очередь, крупные корпорации производят новые технологии и услуги в больших масштабах, модифицируют и тиражируют их, что способствует удешевлению продукта и его широкому распространению. Такая система взаимодействия малого и крупного бизнеса, в том числе под эгидой государства, в России пока что не развита, что тормозит переход к новому индустриальному развитию. Подобную систему с учетом российской специфики еще только предстоит создать.

Самое же главное препятствие состоит в том, что в России, в отличие от многих других стран (например, Китая, Индии, Японии, Южной Кореи) отсутствует эффективная система государственного стратегического планирования. Вместо того чтобы модернизировать Госплан, существовавший в СССР, и постепенно перейти от директивного к индикативному планированию, в постсоветской России система государственного планирования была полностью разрушена. Парадокс заключается в том, что Китай, Индия, Япония многое восприняли от системы государственного планирования, существовавшей в Советском Союзе, творчески используя некоторые ее элементы, а Россия ликвидировала государственное планирование как таковое. Вместо реального стратегического планирования в России существует множество министерств и ведомств, которые почти ни за что не отвечают. Принятый недавно закон о стратегическом планировании почти не изменил

ситуацию, поскольку сохранилась безответственность ведомств и отсутствует наделенный реальными полномочиями центральный орган планирования, учитывающий потребности общества и государства, интересы бизнеса, предложения специалистов. В результате управление экономическим и социальным развитием в значительной мере осуществляется в так называемом «ручном режиме». Более того, финансовый сектор работает не на реальную экономику, не на промышленное производство и сельское хозяйство, а на интересы отдельных олигархов, банкиров и чиновников, активно вывозящих капиталы за рубеж. В отличие от Китая и ряда других успешно развивающихся азиатских стран, в России банковская система оказалась встроенной в глобальную финансовую систему (так называемую финансомику), а национальное производство и национальный капитал подавляются даже внутри самой страны.

Отсюда вытекают перспективы экономического и социально-политического развития России в ближайшие годы. Очевидно, что прежняя экспортно-сырьевая модель себя исчерпала, и требуется переход к новой модели развития. Преодоление кризиса возможно только на основе реиндустриализации, которая обеспечила бы импортозамещение и, что еще более важно, модернизацию промышленности и сельского хозяйства. Кроме того без реиндустриализации невозможен переход к развитию производств шестого технологического уклада – робототехники, нанотехнологий, биотехнологии и новой медицины, новых информационных технологий и средств связи, рециклинга отходов, производства новых материалов с заданными свойствами, экологически чистых источников энергии. По всем этим и другим направлениям у российских ученых и специалистов есть свои оригинальные разработки, но из-за существующих многочисленных организационных препятствий, отсутствия необходимой кооперации и заинтересованности крупных корпораций и государственных органов эти разработки почти не внедряются в массовое производство. А это уже грозит катастрофическим отставанием России от развитых и развивающихся стран по важнейшим направлениям технического и технологического прогресса, в том числе в военной сфере.

В силу этого без глубоких институциональных сдвигов, без создания системы полноценного стратегического планирования, подключения к реиндустриализации и импортозамещению малого и среднего бизнеса задачи перехода к новому индустриальному развитию не могут быть решены. Одним из двигателей этих процессов может стать происходящая модернизация оборонно-промышленного комплекса, но лишь в том случае, если эта модернизация будет пониматься не как узковедомственная проблема, а как проблема модернизации всей российской экономики. При этом следует учитывать, что фактор времени играет решающую роль: из-за резкого обострения международной ситуации у России есть всего два-три года, чтобы перейти к реиндустриализации на основе использования новых технологий и новых форм управления экономикой. Современный экономический кризис подталкивает к этому, но инерция зависимого развития на основе экспортно-сырьевой модели по-прежнему велика. Сумеют ли российское общество и российское государство эффективно использовать это время, во многом зависит от мобилизации российской интеллектуальной элиты и, главное, от наличия политической воли. Экстраординарные обстоятельства требуют экстраординарных действий.

А.А. Рогожин,
заведующий сектором социально-экономических проблем
ИМЭМО РАН,
к.и.н., доцент

Различие импортозамещения в оборонных и гражданских отраслях

В докладе С.Д. Бодрунова затронут ряд чрезвычайно сложных и совершенно неизученных проблем, исследование которых чрезвычайно затруднено из-за невозможности оперировать достаточным объемом фактов и статистики. Данное обстоятельство, по-видимому, и

вынудило автора обходиться лишь собственными теоретическими постулатами и ссылками на авторов, ни один из которых никогда не занимался реальной советской экономикой и совершенно не знаком с её уникальным развитием.

Констатация этого факта ни в коей мере не может рассматриваться как упрёк автору доклада. Он взял на себя нелёгкий труд в условиях, когда именно специфика советской, а затем и российской экономики диктует весьма жёсткие условия для исследователя, который пытается проанализировать хотя бы базовые тенденции их развития.

Это связано с уникальной особенностью политического развития СССР/России – необходимостью играть роль великой державы при любых внешних и внутренних обстоятельствах, поддерживать этот статус и экономическими средствами, уделяя повышенное внимание развитию оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Именно ему отдавалось и отдаётся приоритетное внимание – ОПК имеет доступ к самым ценным ресурсам России (природным, кадровым, финансовым).

ОПК образует как бы первую, приоритетную зону российской экономики. В ней не произошло сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с советскими временами, а некоторое ослабление внимания к развитию ОПК, имевшее место в 90-е годы, в последние 5-7 лет, как отметил премьер-министр Д.А. Медведев, выступая с отчётом в Государственной думе 21 апреля 2015 г., было полностью преодолено.

Не имея никаких достоверных количественных показателей и лишь догадываясь о качественных изменениях, происходящих в российском ОПК, трудно делать какие-либо выводы о том, насколько полезны для него выводы и рекомендации автора, насколько приемлем опыт других стран. Однако можно предположить, что импортозамещение в первой зоне может и будет происходить иначе, чем во второй зоне российской экономики, охватывающей все её отрасли за пределами ОПК. Исходя из традиционной концепции Fortress Russia и импортозамещение, и научно-технический прогресс в первой зоне будут развиваться в основном по схеме, отработанной в советский период. России придётся преодолевать те же трудности и преимущественно теми же методами, что практиковались в СССР, хотя и в несколько иных исторических условиях, диктующих ряд ограничений.

Санкции Запада призваны воспрепятствовать развитию только нашего ОПК – сотрудничать в сфере производства железнодорожных вагонов или писчей бумаги ни в коей мере не возбраняется (антироссийские санкции в этом плане идентичны антииранским). И российскому ОПК придётся бороться с последствиями западных санкций, продиктованных геополитическим противостоянием, конца и края которому не предвидится, практически в одиночку.

К сожалению, понимание этого факта пришло с запозданием, в основном из-за неточной оценки перспектив российско-украинских отношений. Надежды на продолжение обширных кооперационных связей между российским и украинским ОПК окончательно угасли лишь в 2015 году в связи с полным переходом последнего на натовские стандарты²¹. Масштабы аналогичных связей с Белоруссией и Казахстаном относительно невелики, и после неудачного украинского опыта менеджеры нашего ОПК будут, несомненно, предельно осторожны при развитии кооперации в сфере ОПК с любыми странами.

Рассчитывать на сотрудничество в сфере ОПК с западными партнёрами сложно, хотя нельзя его отрицать полностью, разумеется, в постсанкционный период. Сложно по многим причинам: и по сохраняющей разнице в стандартах и нормах, и по соображениям секретности, и в связи с патентными проблемами. Ситуация с французскими «Мистральями» наглядно иллюстрирует высокую уязвимость сотрудничества с Западом даже по точечным проектам.

²¹ Ukroboronprom to shift to NATO arms production standards by 2019. April 8, 2015 (available at http://asia.rbth.com/news/2015/04/08/ukroboronprom_to_shift_to_nato_arms_production_standards_by_2019_45075.html).

Сотрудничество с развивающимися странами не слишком перспективно в связи со значительной разницей творческих, ресурсных и организационных возможностей России и этих стран. Нельзя забывать и о том, что ОПК в этих странах развивается в основном в сотрудничестве со странами Запада, которые, естественно, будут стремиться не допустить формирования даже единичных совместных предприятий в сфере ОПК с участием российских партнёров.

Следует также иметь в виду, что ни одна развивающаяся страна, за исключением КНР, не имеет масштабного производства вооружений (особенно технически сложных) на преимущественно национальной основе. К тому же все развивающиеся страны, включая Китай, несмотря на пышные заявления о длительном стратегическом сотрудничестве с Россией, на практике именно в вопросах создания объектов ОПК преследуют свои, как правило, достаточно краткосрочные цели. Для них совместные предприятия с Россией в сфере ОПК – всего лишь канал доступа к российским оборонным технологиям, которые они, как правило, рассчитывают адаптировать и развивать уже самостоятельно.

Импортозамещение в сфере ОПК для России – это в основном действия, направленные на то, чтобы восполнить ограниченный санкциями приток из-за рубежа технологий, материалов, узлов, компонентов, отдельных деталей и элементов, станков и оборудования для производства вооружений, ибо готовую продукцию западного ОПК мы практически не покупаем, за исключением отдельных образцов, которые, как правило, приобретаются в рамках спецопераций.

Скорее всего, здесь будет использоваться обширный, порой уникальный советский опыт: закупки через третьи страны и подставные фирмы, контрабандный ввоз, использование юридических лазеек в западном санкционном законодательстве, промышленный шпионаж и пр. Как справедливо отметил недавно, выступая в Государственной думе, премьер-министр Д. Медведев, санкции против нашей страны вводятся не в первый раз, и, действительно, в 70-80-е годы минувшего века мы успешно противостояли им, используя обширный арсенал средств при значительно более скромных валютных ресурсах.

Хотя и здесь поучиться не грех, например, у Китая, который, имея опыт противостояния даже «двойным» санкциям (со стороны Запада и СССР), весьма преуспел в заимствовании (легальном и нелегальном) зарубежных достижений в сфере ОПК и адаптации их к китайским условиям. Успехи КНР в этой сфере нередко огорчают и отечественных производителей различных видов вооружений.

Что касается некоторых новых проблем развития российского ОПК в современных условиях, то к их числу можно отнести, в частности: 1) трудности, связанные с размещением предприятий ОПК, реализованным в соответствии с военно-стратегическими условиями второй половины прошлого века, и их перемещением в соответствии с новыми целями и потребностями; 2) кадровые проблемы, охватывающие все категории занятых в ОПК, разрешить которые советскими методами (более высокая заработная плата, система премий, снабжение продовольственными и промышленными товарами, ведомственные дома отдыха и т. п.) уже вряд ли удастся; 3) нерешённость жилищной проблемы даже в столь важной для страны сфере – многолетняя жизнь в общежитиях и крохотных квартирках, вполне терпимая для поколения, пришедшего в ОПК в 60-70-е годы минувшего века, совершенно неприемлема для молодых кадров, которые должны пополнить его в 20-е годы XXI-го века; 4) масштабная коррупция в ОПК – явление немыслимое в СССР, но весьма распространённое ныне; – разворовываются огромные средства, выделяемые из бюджета на развитие ОПК, что в сочетании с нередко допотопным менеджментом наносит стране ущерб, не уступающий, по-видимому, санкционному по объёму, но гораздо более тяжкий с моральной точки зрения. Приобретение оборудования по завышенным ценам, включающим «откаты», в советское время даже представить было невозможно. Воровать в ОПК гораздо сподручнее, ибо как проводить открытые торги и даже заполнять так называемый конкурентный лист в условиях, когда неизвестно (и не положено знать), для выполнения какой именно производственной задачи закупается оборудование для номерного завода или

института?

Что же касается импортозамещения во второй, «гражданской» зоне российской экономики, то здесь всё более или менее благополучно и просто. Следует продолжать нынешний курс, давший неплохие результаты. Хотелось бы напомнить, что в XXI-ом веке в России научились производить высокомарочный бетон не только для спецобъектов, сложные удобрения, которые в советское время полностью импортировались (и даже экспортировать их), делать собственные трубы для нефте- и газопроводов, которые также импортировались. Научились выращивать отличные урожаи зерновых и экспортировать зерно (в советское время СССР занимал первое место в мире по импорту этого товара). Мы можем строить дома высотой свыше 22-х этажей (предел советского времени) и многое другое. Произошло полное обновление некоторых отраслей, например, промышленности строительных материалов, пищевой, нефтеперерабатывающей, производства инструментов и др.

И вот здесь следует упомянуть о том, о чём докладчик почему-то умолчал, – наши достижения в области импортозамещения во второй зоне нашей экономики стали возможными в результате привлечения в самых разных формах и масштабах иностранного капитала, иностранных машин и оборудования, иностранных технологий и специалистов. Россия начала учиться многому, в том числе осваивать такие производства, которые вообще отсутствовали в СССР. Да, мы изобрели памперсы для наших космонавтов. Но с момента их появления на орбите и до самого конца XX-го века мы так и не смогли порадовать наших малышей и мам этим полезным изобретением. Это не преодолено и поныне – мы не умеем адаптировать и тиражировать свои подчас уникальные изобретения, доводить их до уровня массового производства и, что не менее важно – потребления.

Совершенно не согласен с мнением автора доклада о том, что в России произошла и происходит деиндустриализация²². Просто в новой России происходили и происходят определённые изменения в отраслевой структуре ВВП и обрабатывающей промышленности. В ВВП увеличилась доля услуг и появились новые услуги, а в обрабатывающей промышленности имело место изменение роли отдельных отраслей. Фантазии некоторых отечественных авторов по поводу деиндустриализации в России – это лишь свидетельство того, что они либо крайне невнимательны к реальному развитию своей страны, либо откровенно лоббируют определённый сектор её экономики.

Удивлён, признаюсь, авторской трактовкой роли сферы услуг, несколько напоминающей в его изложении ситуацию в нашумевшем американском кинофильме «Wall Street» (1987 года) – там это противостояние «производственников» и «биржевиков». Производство, тем более в наукоёмких и высокотехнологичных отраслях, ныне тесно связано с разнообразными услугами, образуя межотраслевые инновационные комплексы. Ещё проще – а зачем нужен компьютер без программного обеспечения?

Ныне в классификатор услуг ВТО занесено более 160 услуг и финансовых услуг (включая страхование), столь нелюбимых некоторыми авторами, – всего 17 видов. Но ведь никто, и, конечно, докладчик не отрицает важной роли таких услуг как услуги связи, строительные и инжиниринговые услуги, услуги по защите окружающей среды, туризм, транспортные и многих других услуг. Тем более, что они обеспечивают занятость

²² В 80-е годы тема «деиндустриализации» активно обсуждалась в развитых странах, особенно в США, в связи с начавшимся в тот период процессом переноса ряда производств (целиком или частично) за рубеж, в том числе в страны Латинской Америки, Китая и страны Юго-Восточной Азии. В центре внимания дискуссий была проблема сокращения рабочих мест в развитых странах, однако она благополучно разрешилась благодаря созданию в этих странах новых рабочих мест в новых отраслях промышленности и в сфере услуг. О «реиндустриализации» вспомнили в связи с возвращением ряда производств из-за рубежа обратно в развитые страны в конце первого десятилетия XXI-го века. Однако они составили лишь малую толику от размещённых за рубежом производственных активов. «Вторая экономика» Японии в ЮВА вообще не претерпела никаких изменений. Огромный массив мексиканских «макиладорос» сохранился почти полностью. Американские и европейские компании, озабоченные ростом издержек на рабочую силу в одних развивающихся странах, ограничились переводом своих мощностей в другие развивающиеся страны с ещё более низкими издержками на рабочую силу (например, из Китая во Вьетнам или из Мексики в Гондурас).

российского населения в гораздо большей степени, чем, например, добыча полезных ископаемых или обеспечение военной безопасности. Да и без финансовых услуг, как доказывает нам нынешний кризис в России, никак не обойтись: и арктическую нефть не добыть, и газопровод в Сибири не проложить, и мост не построить – ни в Крым, ни в Китай²³. И будь жители Хакасии застрахованы – масштабы бедствия были бы куда меньше...

В.Г. Колташов,
сотрудник кафедры политической экономии
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Жилищное строительство как двигатель реиндустриализации

Доклад директора Института нового индустриального развития С.Д. Бодрунова поставил множество серьезных для экономики вопросов. Россия в марте 2015 года продемонстрировала укрепление рубля, оживленный спрос на облигации и общий приток капиталов на фондовый рынок. Власти объявили, что инвесторы выходят из долларовой убежища и начинают присматриваться к экономике. Казалось, появились условия для внедрения обстоятельной долговременной доктрины реиндустриализации, каковую изложил докладчик. Однако настораживает, что в 2001-2008 годах и затем в 2010-2012 годах имелись для этого условия намного лучшие.

Экономика отнюдь не вышла из пике. Спекулятивное оживление и дорого обошедшееся ЦБ укрепление рубля от 70 рублей за доллар до 60 рублей происходило вопреки вхождению мировой цены на нефть в некомфортные для экспорта границы колебаний 45-65 долларов за баррель. Ослабевающим оставался в феврале-марте и внутренний спрос. Между тем, США уже перешли к плану, аналогичному тому, что изложил С.Д. Бодрунов. Они с 2010 года, и особенно после острых политических столкновений между партиями республиканцев и демократов в 2011-2012 годах, реализуют стратегию, ориентированную на реиндустриализацию, и не без успехов.

Одновременно экономики БРИКС входят во вторую волну глобального кризиса. Россия оказывается в ситуации, когда ей не позволят реализовать собственную стратегию индустриального возрождения с прицелом на мировой рынок. Конкуренция же на нем усиливается, а внутренняя сбытовая база наших производителей – отечественный внутренний рынок открыт для конкурентов (членство в ВТО) и подвержен сжатию. Вырисовываются две задачи: вывод реальной экономики из кризисного пике и реализация долговременного плана развития, но уже с прицелом на внутренний рынок. Последний может быть расширен за счет расширения Евразийского экономического союза.

Вопреки стабилизации января-марта 2015 года, продолжается падение спроса на рынке жилья. Рынок же этот, как и строительная отрасль в целом, имеют колоссальное значение для российской экономики. После первой волны кризиса оживление спроса на жилье за счет кредитования стало одной из внутренних основ оживления экономики. Ныне этот фактор потерян, как и экономика лишена внешней опоры в результате снижения сырьевых цен. Но оживить российский рынок возможно, и дальнейший рост тоже реален. Лишь затем можно реализовать план индустриального развития, подобный тому, что предложил С.Д. Бодрунов, но с акцентом на внутренний спрос.

²³ Симонов К. Кого уволит кризис. Ведомости, 21.04.2015 (available at http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/04/21/kogo-uvolit-krizis?from=newsletter-editor-choice&utm_source=newsletter&utm_medium=content&utm_campaign=editor-choice&utm_term=news19/).

Чтобы победить экономический кризис в России, государство должно за два года приобрести и построить жилье для 4 млн. семей, предоставив им кредит на льготных условиях. Срок кредита может быть до 20 лет, а ставка 2-3%, не более. Россияне ссудным процентом до сих пор придавлены, и если дешевые деньги для банков от ЦБ могут оказаться на бирже ради игры против рубля, то прямые жилищные кредиты дадут иной эффект. При средней площади квартиры в 65 кв. м. проект этот, что мы разрабатываем в Российском экономическом университете им Г.В. Плеханова на кафедре политической экономии, обойдется в 8 трлн. рублей. Даст же он 260 млн. кв. метров жилья. Много это или мало? И что получит экономика?

В 2013 году в России было введено 70,5 млн. кв. метров жилья. Половину этих объемов граждане построили сами, поскольку цены на дома оставались слишком высокими. В 2013-2014 годах рынок оказался в кризисе, что сыграло огромную роль в падении курса рубля и вхождении экономики во «второй кризис». Снижение реальных доходов населения по итогам 2014 года сделало невозможным для большей части семей среднего достатка покупку жилья при цене ипотечного кредита в 15% и более. Одновременно происходит снижение номинальной заработной платы, а повышение цен ухудшает баланс в расходах домашних хозяйств. Потому жилье для россиян в рамках обозначенной программы должно быть недорогим, но недорогим в рублях – не в долларах.

Долларовые цены на квартиры упали за 2014 год почти на 65%. Застройщики и мелкие продавцы не решились компенсировать это снижение в рублях, поскольку прекрасно знают: спрос падает несмотря на периодические панические всплески. Для экономики это означает углубление кризиса и рост безработицы, а для рубля – падение курса, поскольку снижается его обеспеченность проданными отечественными товарами. Дальнейшему спаду экономики нужно противопоставить плановую активизацию потребительского спроса через строительство. Этот сектор не должен утягивать нас дальше в кризис, а наоборот, должен стать локомотивом движения. Но для этого требуется политическое решение.

Мощная строительная и закупочная программа обеспечит приобретение только российских материалов, даст гражданам квартиры и создаст рабочие места. Причем, полагаю, что в Москве программа не должна действовать (только, может быть, на ее окраинах и в ближнем Подмосковье). Иначе мы просто лишь поддержим финансовый пузырь; расходы будут чрезмерны, а эффект мал.

В целом же при такой программе в России заработает мультипликатор, будет запущена цепная реакция оживления экономики за счет заказов отраслям-поставщикам. Причем очень важно, чтобы все до последнего гвоздя и лопаты было произведено в России. Иначе мы поддержим КНР, Германию и еще много других рынков.

Однако вопрос состоит не только в том, будет ли принято подобное решение. Есть еще проблема дальнейшего развития экономики, поскольку вырваться из состояния кризиса еще не означает встать на путь устойчивого роста экономики. Здесь как раз могут быть использованы многие идеи С.Д. Бодрунова, например государственные меры по обеспечению развития заброшенных с 1980-х годов отраслей.

Ограничение вывоза капитала из страны – таков важный источник для перезапуска экономики через строительство жилья. Вывоз же достиг в 2014 году более 130 млрд. долларов. Рублевая эмиссия должна быть не ради субсидий «Роснефти» и другим гигантам, а в целях оживления спроса в экономике. Это другой источник. И, конечно, у России остаются еще резервы. Сокращение валютных интервенций, на которые за прошлый год без особенного результата ушло 90 млрд. долларов, может дать дополнительные деньги. В конечном итоге, если дать импульсы для внутреннего рынка, то на следующем этапе отечественная индустрия уже сможет более уверенно вести себя на мировом рынке.

Некоторые аспекты воспроизводственного процесса в условиях реиндустриализации

При проведении реиндустриализации российской экономики важное место должно быть отведено теоретико-методологическим аспектам намеченного курса, в частности, оценке полных (прямых и косвенных) эффектов для экономики от его реализации, а также определению места и роли реиндустриализации в воспроизводственном процессе.

По формальным показателям отечественная промышленность в составе добывающих и обрабатывающих отраслей занимает в настоящее время в воспроизводственном процессе довольно скромное место. В 2013 г. на ее долю приходилось лишь 22,1% от общего объема ВВП, рассчитанного в рыночных ценах. Причем, доля обрабатывающих производств составляла 12,8%. Однако реальное воздействие промышленности на воспроизводственные процессы в экономике любой страны было бы ошибочно сводить только к показателям доли в ВВП. В современной, высоко диверсифицированной экономике с развитой системой кооперационных связей и аутсорсинга, сервисного и иного обслуживания при анализе значимости промышленности необходимо оценивать не только прямой (доля в ВВП), но и косвенный эффект. Чем большая доля выпуска конкретной отрасли промышленности поступает в качестве промежуточной продукции для других отраслей и сфер, тем более высокий совокупный (мультипликативный) эффект она оказывает на развитие экономики в целом. Существуют различные оценки такого эффекта, полученные с использованием разнообразных методик, в том числе основанных на межотраслевом балансе. Не в них суть. Главное, что добывающие и обрабатывающие отрасли промышленности дают самые высокие совокупные эффекты для развития экономики любой страны в расчете на инвестированный в них капитал, и Россия здесь не является исключением.

В категориях общественного воспроизводства главная проблема нашей промышленности лежит не в сфере выпуска конкретной продукции (в том числе электроники, бытовой техники, продовольствия, медикаментов и т.д.), а в нарушении воспроизводственных циклов в технологическом развитии. Так, при общей тяжелой ситуации в отечественной промышленности выпуск некоторых видов наукоемкой продукции в последние годы в стране увеличивался высокими темпами. Например, с 2010 г. по 2013 г. объем производства настольных персональных компьютеров в России вырос в 1,8 раз и достиг 522 тыс. в год. Прирост выпуска отечественных телевизоров цветного изображения с жидкокристаллическим экраном и плазменной панелью за тот же период составил +35%, а объем производства таких телевизоров достиг 10,5 млн. шт. в год. По ряду направлений (видеоаппаратура, холодильники-морозильники) произошло небольшое, но реальное импортозамещение еще до ввода санкций в отношении России и принятия правительством курса на реиндустриализацию. Отечественные производители практически во всех отраслях (за исключением, может быть, тяжелой промышленности) имеют недогруженные производственные мощности и поэтому в состоянии, особенно при поддержке государства, нарастить объемы выпуска продукции в обозримые сроки (1-3 года в зависимости от отрасли и запаса мощностей). Чем активнее и масштабнее будет осуществляться такая поддержка, тем более быстрыми темпами пойдут процессы реиндустриализации и импортозамещения. Но встает вопрос – а на какой технологической основе будут реализовываться эти процессы? Пожалуй, наиболее тяжелая и беспросветная картина в реиндустриализации России складывается с воспроизводством технологий, что обусловлено нарастающим в течение последних десятилетий нарушением технологических циклов практически во всех отраслях и видах производства, вымыванием из них стадий разработки новых технологических и технических решений и закупкой готовых технологий за рубежом. Ежегодно отечественные компании заключают тысячи соглашений по приобретению иностранных технологий (2010 г.

– 1045, 2013 г. – 1812 соглашений), предпочитая такой способ перевооружения производства развитию собственного научно-технического и технологического потенциалов. В сложившихся условиях реиндустриализация на базе отечественных технологий и ликвидация в обозримом будущем технологического разрыва с развитыми странами по основному спектру передовых и базовых технологий промышленности представляется маловероятной.

РАЗДЕЛ III.
ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ
по докладу д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова
«Интеграция производства,
науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики»

Новая индустриализация: камо грядеши?
(заключительное слово по итогам дискуссии по докладу «Интеграция производства,
науки и образования как основа реиндустриализация российской экономики»)

С.Д. Бодрунов,
директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте,
д.э.н., профессор

Уважаемые коллеги!

Дискуссия, развернувшаяся здесь, в ИМЭМО РАН, по докладу о реиндустриализации, как и дискуссии по той же проблеме, которые мы инициировали и провели в течение 2014 – начала 2015 гг. (в МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственной Думе, Совете Федерации, на площадках Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета, на состоявшемся в ноябре 2014 года Конгрессе «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения», который мы провели совместно с Конгрессом работников образования, науки, культуры и инженерных специальностей (КРОН), на научных семинарах Института нового индустриального развития им. С.Ю.Витте), показывает большой интерес к проблеме выбора путей развития нашего общества, модели дальнейшего развития нашей экономики. Хотел бы подчеркнуть, что Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте стоит на позиции восстановления роли и места промышленности как базового элемента экономики, исходя из нашего представления о том, что ныне действующая модель экономического развития либерально-монетарного толка, с «перекошенной» структурой экономики в пользу сырьевого сектора, полностью себя исчерпала, что необходим переход к новой модели развития экономики. Полагая, что будущее общество – по крайней мере, ближайших десятилетий – вовсе не постиндустриальное, а, отличаясь во многом от «классического» индустриального, все же сохраняет его базовую позицию – индустриальное производство как основу экономики, мы настаиваем, что *доминантой новой модели развития российской экономики должна стать ее реиндустриализация* в том смысле, о котором я говорил в докладе и в ряде других материалов, которые мы презентовали участникам семинара накануне его проведения (иногда говорят о новой индустриализации, неоиндустриализации; мы полагаем, вслед за А.И. Амосовым из Института экономики РАН, что все эти термины не в полной мере отражают суть исследуемого явления, но мы не вводим в научный оборот для его описания никакой новой дефиниции, считая, что это не самое важное, и суть дела, в общем-то, понятна). Сегодняшние выступления – некоторые из них вполне можно было бы назвать содокладами – также, в какой-то мере, и проясняют эту суть, и ставят большое количество новых вопросов. Это свидетельствует об обширности поднятой Институтом нового индустриального развития им. С.Ю.Витте темы – как в научном, так и в прикладном плане.

Далеко не на все вопросы сегодня можно найти ответы. И все-таки постараюсь если не полноценные ответы, то какие-то комментарии по отдельным вопросам коллег сейчас высказать.

Наверное, справедливо – четко разделять реиндустриализацию как *стратегию* и как *политику*, как на это обращает внимание профессор А.И. Салицкий. Более того, зачастую

рекомендуют рассматривать реиндустриализацию как *процесс*, а иногда – как финальный, целевой *результат* проводимой политики, и т.п. Думаю, что подход Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, где четко разделены реиндустриализация как стратегия, которая должна лежать в основе новой модели экономического роста, и формируемая на базе ее экономическая политика (в частности – *активная промышленная политика*), как комплекс последовательных целенаправленных мероприятий в рамках реализации такой стратегии, а также анализ соответствующих «практик», как ныне модно стало говорить, позволяет в достаточной мере разобраться в сути рассматриваемого явления, обеспечить достаточный инструментарий для его исследования.

При этом важнейшим элементом и такой стратегии, и предлагаемой *экономической политики* должна стать интеграция производства науки и образования; автор неоднократно и весьма подробно акцентировал на этом внимание, особенно в материалах доклада и в материалах Конгресса «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения», которые были рекомендованы для предварительного рассмотрения участникам семинара. В этих материалах автором подробно прослеживается глубокая, я бы даже сказал – глубинная, связь и взаимозависимость этих трех компонент; более того, автор (будучи, заметим, и промышленником-предпринимателем, занимающимся модернизацией производственных мощностей своих предприятий именно на базе таких технологий, и профессором кафедры с аналогичным названием в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения) указывал на значительное влияние на процессы, протекающие в индустриальном секторе, в т.ч. в обрабатывающей промышленности, информационно-коммуникационных технологий, поэтому автор никак не может согласиться с замечанием «пессимистического идеалиста» доцента И.В. Данилина, как он сам себя называет, о том, что автор якобы «рассматривает исключительно вопрос развития обрабатывающей промышленности, причем в отрыве ... от сфер наукоемких услуг, в т.ч. в части информационно-коммуникационных технологий ...». Надо полагать, что доцент И.В. Данилин, видимо, имеет в виду представление вопроса лишь в данном докладе, поскольку он отмечает, что в силу его темы основное внимание сконцентрировано в нем на вопросах т.н. «материального производства». И действительно, тема задает, в какой-то мере, границы, пределы обсуждения и акценты дискуссии. Поэтому хотелось бы еще раз подтвердить безусловную и хорошо осознаваемую автором и его коллегам из Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте вот эту глубинную связь современного производства, науки и образования, интеграция которых в нынешних условиях абсолютно невозможна и без развития сферы наукоемких услуг, и без применения соответствующих (не только ИКТ!) технологий, и т.д. При этом автор полагает, более того, что такого рода услуги в рамках обеспечения производственной деятельности являются неотъемлемой частью производственного процесса и современного индустриального сектора экономики. Например, в одной из своих работ мы обращали внимание на то, что такая услуга, как трансфер технологий, в современных условиях превращается именно в неотъемлемую часть производственного процесса.

Мы также неоднократно указывали, в т.ч. и в материалах, направленных участникам семинара, на то, что современное индустриальное производство не только базируется на инновационных технологиях и решениях, но и приобретает *целиком* характер *инновационного*, при этом *непрерывность* «инновационности» – это одна из базовых черт новой индустрии; переход к *новому индустриальному обществу* в принципе невозможен без формирования инновационной индустрии; импортозамещающие решения, которые сегодня необходимо реализовывать, должны учитывать это важнейшее обстоятельство. Приоритетом поэтому в импортозамещении должны стать решения, направленные не столько на сиюминутное замещение чего-то чем-то, а на создание перспективных, а иногда – и прорывных («замещающих»!) технологий, имеющих большой *инновационный потенциал*, или, шире говоря, среды, не допускающей возможности возникновения сильной импортозависимости – а таковая среда в современном мире не может не быть *инновационной*. В связи с этим автор не может согласиться с замечанием профессора

А.В. Виноградова о том, что «стратегия реиндустриализации на базе преимущественного развития высоких технологий связывается автором с импортозамещением, а не инновациями». При этом профессор А.В. Виноградов подозревает, что автор делает это не от хорошей жизни, а из-за «отсутствия успехов в этом направлении – инновациях – в современной России». Хотел бы уверить коллег в том, что в сегодняшнем докладе мы не делали специальный акцент на инновациях лишь потому, что тема эта – чрезвычайно обширна и увела бы, по нашему мнению, дискуссию в сторону (о роли инноваций, механизмах, недостатках, проблемах и т.д.); в то же время, конечно же, из контекста доклада следует, как я уже выше сказал, что и сам характер новой индустриализации, и предлагаемая база ее реализации (интеграция производства, науки и образования) безусловно подразумевают ее «инновационность». При этом, однако, замечу также, что автор полностью и безусловно согласен с уважаемым коллегой в том, что успехов в этом направлении у России пока весьма мало, и это может стать огромным препятствием в реализации предлагаемой концепции индустриальной модернизации нашей экономики; по этому поводу автор пару лет назад даже издал соответствующую целую книжку.

Хотел бы также прокомментировать замечание старшего научного сотрудника сектора политического и культурологического анализа ИМЭМО РАН Д.Б. Абрамова о том, что «проблема реиндустриализации российской экономики не должна смешиваться со злободневной в силу геополитической необходимости задачей импортозамещения». Здесь есть два момента. Первое. Уважаемый коллега, возможно, полагает, что мы понимаем импортозамещение как решение каких-то частных, локальных, возможно, сиюминутных задач. Мы же, как я сказал выше, рассматриваем проблему импортозамещения в гораздо более широком контексте – как создание экономики «новоиндустриального» типа, обеспечивающего ее базовые потребности и политико-экономическую безопасность. Именно в таком контексте мы полагаем, что импортозамещение может стать важным шагом (возможно – первым реальным шагом, если мы не спрофанируем этот процесс) на пути реиндустриализации, имеющей целью создание индустриальной экономической базы для перехода России к новому индустриальному обществу. И, конечно, мы приветствуем в связи с этим призыв уважаемого коллеги Д.Б. Абрамова «не уповать на существующий результат на краткосрочной перспективе». В то же время автор всем пафосом доклада, да и других своих выступлений, призывает формировать соответствующую экономическую политику, планы и программы с учетом этого обстоятельства, солидаризуясь в этом и с пожеланиями Д.Б. Абрамова, и с профессором А.Я. Эльяновым – в части его замечания о необходимости наполнять эти программы «реальным содержанием», которые мы можем адресовать нашим экономическим властям, ориентируя эти конкретные мероприятия на достижение целей новой индустриализации.

Еще один очень важный вопрос – о движущих силах реиндустриализации. Кто в ней заинтересован, кто будет, как нынче принято говорить, ее провайдером? И далее – институты, институциональное состояние и развитие – и новая индустриализация: каково их соотношение? Это – большая тема, затронутая профессором В.И. Пантиним. Ровно два года назад наш институт представил в Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации наш совместный с Институтом экономики РАН научный доклад «Реиндустриализация: императивы, потенциал, риски», где этот вопрос был достаточно подробно проанализирован. Еще более детально эта тема обсуждалась в декабре того же года на Абалкинских чтениях в ВЭО России, где ваш покорный слуга сделал обширный пленарный научный доклад. Отсылаю уважаемых коллег к этим материалам, они опубликованы, их легко найти и в интернете.

Пару слов о методологической базе исследования. Доцент А.А. Рогожин справедливо указывает на недостоверность и неполноту многих статистических данных, закрытость и недоступность отдельных блоков информации, особенно советского периода, что затрудняет анализ; при этом, однако, уважаемым коллегой подвергаются некоторому сомнению и источники, которыми оперирует в ряде случаев автор доклада. Действительно, проблема «полноты» и «достоверности» статистики общеизвестна, и всякий, кто хотя бы возьмет одну

цифру Госкомстата СССР или Росстата, вполне может быть подвержен остракизму за оперирование недостоверными данными, из чего может сделать неверные выводы, формулировать неверные предложения и рекомендации, и т.д., и т.п. Кроме того, я бы добавил, реальная экономика – это разгул случайности, стохастических страстей, многие из которых даже иногда не носят рационального, особенно – на первый взгляд, характера. При этом автор подвергнут упреку в том, что он ориентируется на «собственные теоретические постулаты и ссылки на авторов, ни один из которых никогда не занимался реальной советской экономикой и совершенно не знаком с ее уникальным развитием».

Действительно, находясь в условиях необходимости верифицировать официальные статистические данные и советского, и российского периодов (заметим, автор, имея базовое математическое образование, имеет и некоторое представление об уровне полноты и достоверности таких данных, и о способах их верификации), автор вынужден был обращаться к другим, дополнительным, источникам для анализа проблемы, и ему не кажется, что авторы, на исследования которых он опирается, «не имели представления» о «реальной экономике». Уверен, что это далеко не так. Добавлю еще и то, что автор все-таки имеет достаточно большой опыт работы и в реальном секторе, в промышленности, и в системе управления экономикой – как в поздний советский, так и в российский периоды развития нашей страны (специально кое-что перечислю, для ясности – слесарь, программист, научный сотрудник, директор предприятия, директор республиканского государственного концерна, инструктор, заведующий отделом райкома, а затем горкома КПСС – в советское время, начальник производственного подразделения, заместитель директора, директор крупного производственного предприятия в Санкт-Петербурге, директор и крупнейший частный акционер первого в России государственного холдинга ОАО «Корпорация «Аэрокосмическое оборудование», Председатель Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли, член Правительства Санкт-Петербурга – в постсоветский период, ныне – Президент и мажоритарный акционер международного производственного холдинга по производству автокомпонентов, головное предприятие которого – на территории Европейского Союза, предприятия и присутствие холдинга – в 16 странах; Первый вице-президент Санкт-Петербургского Союза промышленников и предпринимателей, член Правления Российского Союза промышленников и предпринимателей, а также ряда экспертных советов при Председателе Государственной Думы, Совета Федерации, Совета Безопасности России и других, на взгляд автора, достаточно компетентных структур), поэтому используемую статистическую и фактологическую информацию, и не только из государственных источников, он всегда соотносил и соотносит, имея такую возможность, именно с реальной живой практикой, что позволяет ему с достаточной степенью уверенности вести на базе такой информации аналитические исследования и предлагать как теоретические, так и практические решения; автору представляется, что эти решения базируются все-таки не на «теоретических постулатах», а на вполне выверенных практикой положениях. К этому следует добавить, что организованный автором Институт нового индустриального развития им. С.Ю.Витте (необходимость создания которого была продиктована практически полным отсутствием в России специализированных исследовательских центров, занимающихся исследованием и обоснованием концептуальной платформы нового индустриального развития) на протяжении 17 лет занимается не только, а может быть и не столько теоретическими исследованиями, сколько формированием абсолютно конкретных программ развития, реформирования, реорганизации конкретных предприятий реального сектора экономики, включая крупные холдинги, что дает Институту весьма богатый и уж точно идущий, что называется, «от сохи», практический материал. Поэтому нам представляется, что статистическая, информационная и фактологическая база наших исследований существенно шире, чем у многих наших оппонентов, и мы готовы поделиться имеющейся у нас «в доступе» информацией с любыми исследователями – в т.ч. и для того, чтобы они могли, анализируя эту информацию, поверять практикой «гармонию» (возможно, действительно подлежащую дальнейшей «гармонизации»!) наших идей и выводов.

В этом свете еще один тезис доцента А.А.Рогожина – о том, что деиндустриализация экономики России является «фантазией некоторых авторов», не выдерживает критики, на этом даже не стоит останавливаться – настолько очевидной является ситуация в нашей стране, если рассматривать деиндустриализацию не по А. Каирнкроссу (видимо, следуя которому, уважаемый коллега утверждает, что имеют место лишь «изменения в отраслевой структуре ВВП и обрабатывающей промышленности, ... роли отдельных отраслей»), а в том понимании, как трактует автор доклада, когда негативные изменения происходят во всех базовых элементах индустриального процесса, следствием чего и являются изменения в структуре ВВП, в обрабатывающей промышленности, структуре экспорта-импорта и т.п. В ряде своих более ранних докладов, рекомендованных нами участникам семинара, мы в Институте нового индустриального развития им. С.Ю.Витте подробно анализируем, что такие изменения вследствие деиндустриализационных процессов в экономике не просто меняют ее структуру, но в условиях России снижают устойчивость ее развития, ведут к тяжелым для нашей экономики последствиям, и в т.ч. – к тем, которые мы сегодня вынуждены преодолевать – сильнейшей зависимости от импорта, причем – не только в реальном секторе экономики, но и в финансах, услугах и т.д., ставящих в повестку дня проблему национальной безопасности и создающих даже, как справедливо отметил В.В. Путин пару лет назад, угрозу существованию нашей страны.

К сожалению, лимит времени не позволяет мне более подробно проанализировать другие замечания, прозвучавшие как в выступлениях уважаемых коллег, так и в репликах (в частности, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Бузгалина, заведующего кафедрой политической экономии РЭУ им. Г.В. Плеханова Р.С. Дзарасова, профессора Е.А. Брагиной и др.). Они очень важны для нас – и для понимания того, над чем нам надо дальше работать, и для осознания того, на что нам следует больше обращать внимание, какие расставлять акценты при подготовке такого рода публичных докладов.

Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить вас всех, уважаемые коллеги, за столь активное внимание к поднятой проблеме, к работе нашего Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте; хочу выразить искреннюю признательность профессору В.Г. Хоросу за приглашение выступить с докладом на одном из самых уважаемых научных семинаров России, тем более, что он проводился в форме открытой дискуссии, с приглашением крупнейших специалистов других ведущих научных центров России. Хочу выразить также слова признательности и коллегам, направившим свои отзывы на материалы доклада – заведующему сектором общих проблем и методологических исследований Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН, д.э.н. В.А. Красильщикову, проректору по науке Финансовой академии при Правительстве РФ, **Главному научному сотруднику Центра исследований реального сектора экономики Института экономики РАН**, члену-корреспонденту РАН, д.э.н., проф. Д.Е. Сорокину, директору и научному руководителю Института экономики РАН, члену-корреспонденту РАН, д.э.н., проф. Р.С. Гринбергу, директору Института проблем региональной экономики РАН, д.э.н., проф. С.В. Кузнецову, заведующему кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., проф. В.Т. Рязанову, директору Института экономики УрО РАН, академику РАН, д.э.н., проф. А.И. Татаркину.

Еще раз благодарю всех.

В.Г. Хорос,
руководитель Центра проблем развития и модернизации
ИМЭМО РАН,
д.и.н., профессор

Надо делать, а не предаваться скепсису.
Заключительное слово по итогам обсуждения научного доклада
д.э.н., проф. С.Д. Бодрунова
«Интеграция производства, науки и образования
как основа реиндустриализации российской экономики»

По-моему, семинар получился интересный. Во-первых, благодаря докладу, в котором, пусть несколько общно, была поставлена крупная и актуальная общегосударственная проблема. Во-вторых, были содержательные выступления, в которых идеи докладчика не только конкретизировались, но и в которых, что правильно и важно, российские реалии были поставлены в общемировой контекст, исторический опыт модернизации и развития.

Из этого опыта и контекста следует, что глобальные процессы модернизации и индустриализации развивались по определенным закономерностям, имевшим свою специфику на различных этапах и для различных групп стран («эшелонов» мирового процесса модернизации). Так, в свое время немецкий ученый Дитер Сенгаас выделял ряд моделей догоняющего развития, «преодоления периферийности», в которых импортозамещение, временное отгорожение от мирового рынка и подобные вещи были обычным делом²⁴. Об этом же вполне обоснованно – в порядке сравнения – напомнил В.А. Мельянецев.

В таком сравнительно-историческом ракурсе для современной России характерна существенная особенность: не индустриализация, а *реиндустриализация*, иначе сказать, индустриализация на новой основе. Здесь можно провести аналогию с бывшими соцстранами, прежде всего с Китаем. Но если в Китае переход на иную модель развития не носил деструктивного характера, какие-то жизнеспособные элементы были сохранены, то у нас распад СССР сопровождался «распадными» процессами во всех областях социума – хозяйстве, власти, культуре. Промышленность пережила обрушение почти наполовину, обозначилась тенденция деиндустриализации. Экономика приняла однобокий экспортно-сырьевой характер, деградировали обрабатывающие отрасли, хозяйственная система оказалась заражена паразитизмом и криминалитетом, сокращался контингент научно-технических кадров и производственных специалистов и т.п. Конечно, в «нулевых» что-то изменилось в лучшую сторону, но основные изъяны и диспропорции не преодолены до сих пор. С этого «старта» и приходится сегодня приступать к реиндустриализации.

Отсюда нередко возникают пессимистические настроения, сомнения в способности нынешней России осуществить реиндустриализацию с «опорой на собственные силы». Такие сомнения могут быть полезны, если способствуют выработке реалистической промышленной политики и достижению выполнимых параметров импортозамещения. Но иногда такой скепсис выглядит чрезмерным. Так, И.В. Данилин, напоминая о том, что в современную эпоху глобализации «Россия (как и любая другая страна) не только может, но и должна быть тесно взаимосвязана с другими странами, в том числе и в производственной сфере», настаивает на «необходимости выдавливания из себя «чучхеизма» и опасности превращения России в страну, производящую «все – от гвоздя до космолетов»». Такое

²⁴ Подробнее см. В.Г. Хорос. Дитер Сенгаас: исторический опыт преодоления периферийности. – В кн. Осмысливая мировой капитализм. Сборник статей. М.: ИМЭМО РАН, 1997.

опасение, честно говоря, звучит довольно странно, потому что в последнюю четверть века Россия только и делала, что открывалась мировому экономическому пространству (часто без необходимой к тому готовности) и дооткрывалась до того, что даже зубные щетки или сырная закваска стали предметами импорта.

И потом, что толку отстаивать важность межнационального экономического и технологического сотрудничества, если на Россию наложены жесткие западные санкции и, судя по всему, достаточно надолго. В этой ситуации нам просто ничего не остается, как компенсировать данный разрыв сотрудничества собственными усилиями, созданием альтернативных технологий или улучшением прежних и т.д. Короче говоря, *делать*, а не предаваться излишнему скепсису. И возможно, что именно санкции станут тем толчком, который заставит нас изменить существующую «периферийную» хозяйственную модель, осуществить реиндустриализацию и достичь той меры национальной экономической безопасности, которая по ряду отраслей промышленности и сельского хозяйства уже основательно нарушена.

Всякая индустриализация (и реиндустриализация) предполагает создание определенной «цепочки развития». Так, в конце XIX – начале XX вв., в «эпоху Витте», имела место следующая «цепочка развития». Двигателем выступало железнодорожное строительство, которое давало толчок металлургии и топливным отраслям (угле- и нефтедобыче). Эти отрасли стимулировали развитие машиностроения, а последнее – легкую промышленность. Все это вместе формировало внутренний рынок, включая рынок индустриального труда. Кроме того, с проведением транссибирской магистрали (построенной именно в «годы Витте») шло перемещение населения на восток, освоение сибирских недр, экспорт в восточноазиатские регионы. Все это были звенья единой стратегии, направленной на преодоление экономической отсталости.

Проблемы «цепочки развития» в условиях современной России затрагивались и на нашем семинаре. Один подход был представлен в докладе: раскручивание развития через ВПК, который не только создает те или иные образцы хай-тека, но и способствует приспособлению их к гражданским отраслям. Другая «цепочка» предложена В.Г. Колташовым – через развертывание жилищного строительства, что стимулирует развитие ряда смежных отраслей и производства соответствующих материалов, оживит внутренний рынок, создаст рабочие места, не говоря уж о решении социальных проблем.

Определение «цепочки развития» чрезвычайно важно для расширения и развития внутреннего рынка, без которого не пойдет никакое импортозамещение. И здесь, как мне кажется, надо обратить внимание на соображение, прямо или косвенно прозвучавшее в некоторых выступлениях (да и в докладе): что развитие (реиндустриализация) не может осуществляться только через хай-тек, оно должно охватывать и другие, пусть менее технологичные отрасли. В постсоветские годы, например, были бездумно разрушены деревообделочные предприятия, которые давали работу населению поселков или райцентров, и мужикам в этих местах осталось только рубить лес и грузить его в вагоны на экспорт (чему я все эти годы был свидетелем на севере Тверской губернии, где в свое время приобрел дом в сельской местности). Нельзя не согласиться с В.Г. Варнавским, что у нас в стране остались недогруженные производственные мощности, которые за 1-3 года могут нарастить объемы производства и тем самым обеспечивать потребительский спрос, расширять внутренний рынок.

С.Д. Бодрунов обосновал перспективу реиндустриализации на основе интеграции бизнеса, науки и образования. Организатором и стимулятором этой интеграции должно, естественно, быть государство. Более того, вполне возможно, – учитывая сложность разворота от зависимой к самостоятельной экономической системе, – могут потребоваться и какие-то элементы мобилизационной экономики. Разумеется, речь не идет о моделях советского времени. Но вот, к примеру, В.И. Пантин справедливо говорил о необходимости возрождения планирования индикативного. Индикативное планирование существует во многих странах Запада и Востока, причем в ряде из них (Индии, Китае, Японии) многое было воспринято именно из советского опыта. Теперь же у нас вместо государственного

планирования существуют лишь различные прогнозы, ни к чему не обязывающие, и ведомства, фактически ни за что не отвечающие.

Или взять проблемы науки в России, которая когда-то (в период СССР) была весьма развитой. Сегодня же скажем, по количеству выданных патентов (34 тысячи в 2013 г.) мы намного отстаем от США (более 300 тысяч) и Китая (более 1 миллиона 300 тысяч)²⁵. Ясно, что это результат урона, нанесенного нашей науке в ходе непродуманных и хаотичных либеральных реформ. Но только прежде всего государство может выправить эту ситуацию.

Другой пример зафиксирован в выступлении В.Г. Колташова: только в 2014 г. из страны было вывезено более 130 млрд. долларов – средства, которые прошли «мимо» инвестиций в отечественное производство. Ограничение вывоза капитала из страны, направление его на нужды реиндустриализации – все это может быть осуществлено лишь при изменении государственной экономической политики.

И если экономическая переориентация государства и политика реиндустриализации начнут приносить результаты, это обязательно изменит отношение к России извне. В том числе – и в плане так называемых санкций.

²⁵ «Эксперт», 6-12 апреля 2015 г., №15 (941), с. 50.

Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / Материалы научного семинара «Современные проблемы развития», ИМЭМО РАН, 16 марта 2015 г. / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР, 2015. – 111 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 31.08.2015.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 2600441

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16